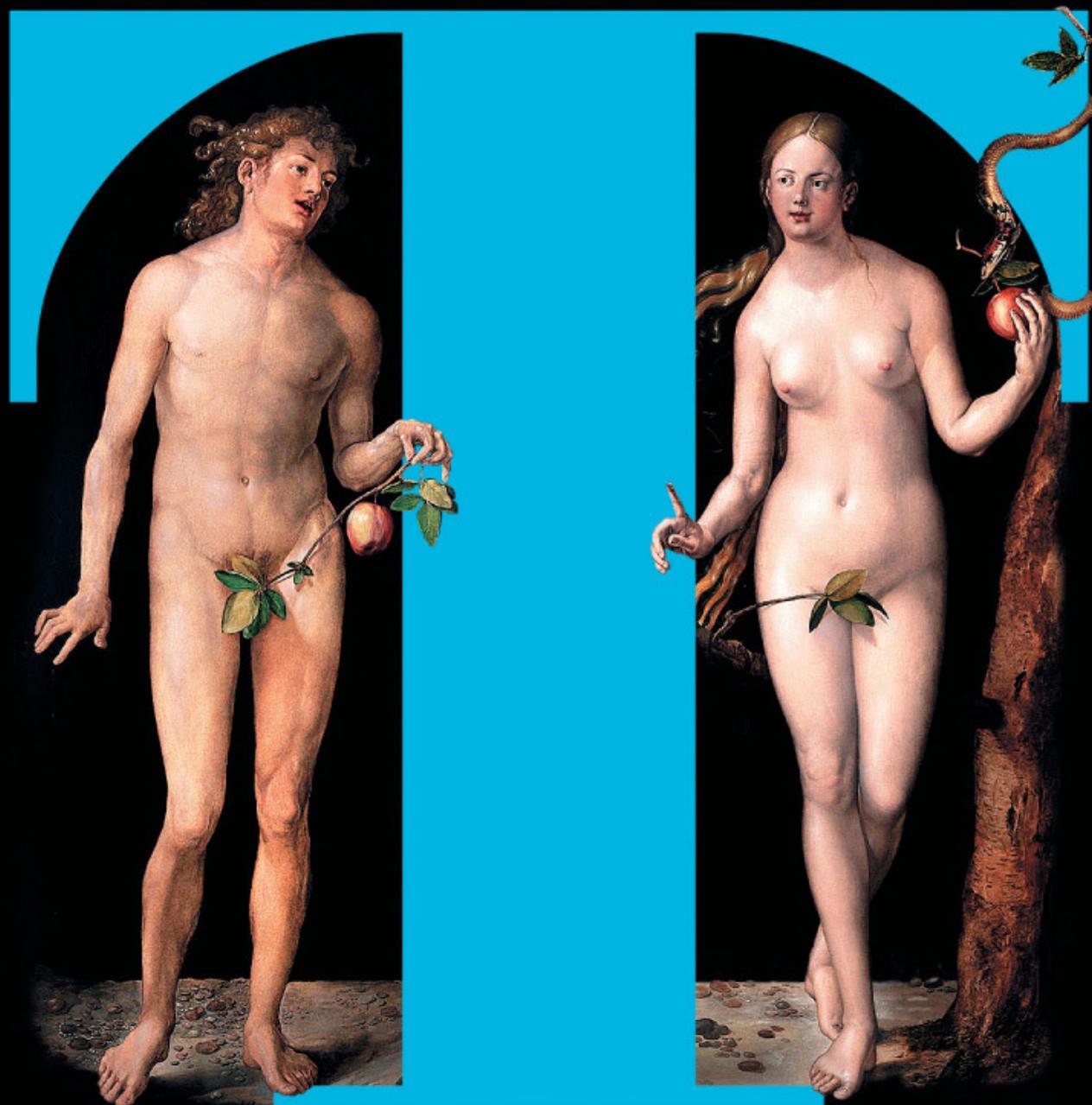


КОРДЕЛИЯ ФАЙН
ТЕСТОСТЕРОН



РЕКСО

МИФЫ И ПРАВДА
О ГЕНДЕРНОМ СОЗНАНИИ

Корделия Файн

**Тестостерон Рекс. Мифы и
правда о гендерном сознании**

«Фантом Пресс»

2007

УДК 159.92
ББК 88.373(Вел)

Файн К.

Тестостерон Рекс. Мифы и правда о гендерном сознании /
К. Файн — «Фантом Пресс», 2007

ISBN 978-5-86471-756-1

Эта книга получила в сентябре 2017 года самую престижную для научно-популярной литературы премию Лондонского королевского общества (премию еще называют “научный Букер”). Многие люди и поныне уверены, что различия между полами столь велики, что все мужчины с Марса, а женщины уж точно с Венеры. И сформировались эти различия между полами в ходе эволюции. Женщины более осторожны, и все в них подчинено идее продолжения рода, в то время как мужчины – лидеры, которые пытаются быть первыми во всем. А каждое новое поколение лишь расширяет эту пропасть между мужчинами и женщинами. Но так ли это на самом деле? В своей книге известный нейропсихолог Корделия Файн остроумно анализирует все сложившиеся представления о различии между полами. Эта динамичная книга, одновременно и развлекательная и привлекательная для настоящих эрудитов, выстроена на основе новейших представлений науки об эволюции, психологии, нейробиологии, эндокринологии и философии. С помощью историй из повседневной жизни, научных данных и здравого смысла автор прорывается через нагромождение стереотипов и нелепых мифов, которыми заросла эта острая тема.

УДК 159.92
ББК 88.373(Вел)

ISBN 978-5-86471-756-1

© Файн К., 2007
© Фантом Пресс, 2007

Содержание

Знакомство с Тестостероном Рексом	7
Замечание о терминологии	14
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Корделия Файн Тестостерон Рекс. Мифы и правда о гендерном сознании

Посвящается Айзеку и Олли

Но хотя я чувствую ярость, я также полна надежды, потому что глубоко верю в способность людей к созиданию и изменению себя к лучшему.

Чимаманда Нгози Адичи. Мы все должны быть феминистами

TESTOSTERONE REX: Myths of Sex, Science, and Society by CORDELIA FINE
Copyright: © 2017 by Cordelia Fine



Книга издана при содействии Lowenstein Associates и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского Ксении Чистопольской

Знакомство с Тестостероном Рексом

Одним знаменательным вечером, за семейным ужином, я упомянула, что пришла пора кастрировать нашего молодого пса. Должна пояснить, что у моего старшего сына странный, недетский интерес к таксидермии. С того момента, как у нас появился бойкий любвеобильный пес, сын принялся рассуждать о том, что, когда тот умрет, он останется с нами не только в наших сердцах, но и в качестве изящного, напичканного формальдегидом чучела в гостиной. Для сына моя фраза о кастрации стала шансом не дожидаться того счастливого дня. В восторге отложив вилку с ножом, он воскликнул:

– Сделаем из его яичек брелок!

Последовали оживленные дебаты о достоинствах предложенной идеи.

Я делюсь сценкой из жизни семейства Файнов по двум причинам. Во-первых, я хотела бы привлечь внимание к тому факту, что я жестко отвергла предложение сына – в пику господствующим представлениям о феминистках как о женщинах, для которых нет ничего лучше, чем начать рабочий день, открыв кабинет связкой ключей с болтающимися на ней яичками.

Вторая причина – это полезная метафора. Пара яичек, свисающих со связки ключей, привлекает всеобщее внимание, если не завораживает. “Какой у вас брелок”, – говорили бы люди уважительно. И восхищались бы они не брелоком, а мной, поскольку эта деталь характеризует меня как личность. Твои идиосинкразии, сложности, противоречия, твоя похожесть и непохожесть на тех, кто *не* носит гениталии как брелок – все это отодвигается в тень. Ты человек с яичками на ключах.

И именно так привлекает и биологический пол. Мы зачарованы им, мы постоянно помним о нем. И зачастую это вполне уместно. В конце концов, пол – женские у вас гениталии или мужские – очевидно важен для размножения. Но категории пола также первичны в наших представлениях о социальном разделении. Когда рождается ребенок, его пол – обычно первое, что мы хотим знать о малыше, и это последняя демографическая информация, которую вы забудете о человеке. Возможно, поэтому неудивительно, что мы часто думаем о биологическом поле как о важнейшей силе развития, создающей не только два типа репродуктивных органов, но и два типа людей¹.

В основе такого стиля мышления лежит знакомая эволюционная история (метко названная “биологическим обобщением” одним из ее самых ярких критиков, философом науки из Эксетерского университета Джоном Дюпре²). Как мы знаем, двое родителей человеческого детеныша вносят глубоко неравный вклад в чудо зарождения жизни. По моим грубым подсчетам, матери отводится почти вся жизнь неизбывной благодарности в ответ на пожертвование пухленькой яйцеклетки, около сорока недель полного пансиона *in utero*, многочасовые схватки и несколько месяцев кормления грудью. Но для отца, который к моменту рождения не дал ничего кроме единственного сперматозоида, быстрый кивок признательности может показаться вполне достаточным. Это фундаментальное половое различие в биологических затратах на ребенка означает, что в нашем далеком прошлом пол требовал разной жизненной стратегии для достижения репродуктивного успеха. И это самый важный аспект – даже сама суть – эволюционной бухгалтерии. Минимальное вложение мужчины в ребенка означает, что он может получать потенциально огромные репродуктивные выгоды от секса со многими женщинами, предпочтительно молодыми и фертильными. Для женщины все не так. В первую очередь ее сковывает доступ к ресурсам, необходимым для заботы о биологически дорогостоящем отпрыске.

Итак, различные версии этой всем известной бухгалтерии поддерживаются в подтипе естественного отбора, называемом половым отбором, – возникающим из преимущества в размножении³, которое иные люди имеют над другими. В результате сформировались разные “сексуальные” характеры. Мужчины эволюционировали в распутников, рискованных и напористых, так как эти качества лучше всего позволяли им накопить материальные и социальные ресурсы, привлекательные для женщин, и обратить сексуальный интерес в репродуктивный доход. Мужчина мог существовать вполне сносно, оставаясь при одной женщине, но хорошие парни никогда не срывали репродуктивный джекпот. Для женщин, с другой стороны, такого рода хищное стяжательское поведение оборачивалось скорее потерями, чем приобретениями. Некоторые авторы полагают, что в процессе эволюции у женщин развилась стратегия интрижек с генетически превосходными мужчинами – это происходило в фертильную фазу менструального цикла, а цель состояла в получении “хороших генов”⁴. Но доисторические женщины, чаще всего передававшие свои гены, были не склонны к риску: они заботились о своем драгоценном потомстве и не тратили силы на погоню за любовниками, богатством и славой.

Все это кажется холодной, бесстрастной и бесспорной эволюционной логикой. Феминистки могут сколько угодно бранить патриархат и злобно трясти брелоками из яичек – им не изменить основополагающие правила размножения. Им также не изменить каскад последствий этих правил для мозга и поведения современных людей. Эти последствия затронули, как нам постоянно говорят, даже занятия, находящиеся за пределами самых диких фантазий наших предков – например, выращивание клеточных культур в научной лаборатории или путешествие на жуткой скорости в металлической трубе на колесах. Взгляните, например, как психолог Гейсберт Стут из Университета Глазго объясняет гендерное неравенство в сфере науки, технологии, инженерии и математики:

Люди часто оказываются ведомы бессознательными желаниями. В каменном веке для мужчин было полезно быть охотниками, а для женщин – ухаживать за детьми, и природа помогла им, закодировав эти навыки и встроив их в наш мозг. Это до сих пор влияет на то, как мы сегодня мыслим⁵.

Должна сказать, что ни один математик или ученый, которых я знаю, в своих исследованиях мало похож на пещерного человека, с копьем охотившегося на кистеухую свинью, но, конечно, в Глазго все может происходить иначе. И похожую связь между прошлым и неравенством в настоящем обнаруживает автор журнала *Formula 1*:

Человек XXI столетия имеет мозг каменного века.

Люди каменного века, конечно, не участвовали в гонках “Формула-1”, но успехи в выживании и, разумеется, в спаривании привели к тому, что мужской мозг настроился на охоту, агрессивность и любовь к риску. Это было доказано в исследованиях того, как современные мужчины водят автомобиль. Именно поэтому мужчины чаще попадают в аварии со смертельным исходом, чем женщины. Женщины же в прошлом наводрили воспитывать и защищать потомство. Конечно, это звучит весьма сексистски, но об этом в унисон говорят исторические факты и недавние научные исследования⁶.

Конечно! Разве это сексизм – просто сообщать объективные научные выводы? И вообще, разве существуют в наши дни сексисты? Или это просто люди, которые признают, что наши мозги и характеры сформированы эволюционными воздействиями, направленными исключительно на репродуктивный успех, а вовсе не на заботу о том, будут ли жен-

щины гонять в чемпионате “Формула-1” или заседать в корпоративных советах? В конце концов, нейробиолог Ларри Кэхилл из Калифорнийского университета замечает:

Настаивать, что каким-то магическим образом эволюция не оказала биологических, основанных на половом диморфизме воздействий на человеческий мозг или что эти воздействия каким-то образом – магическим – мало или вовсе не влияют на функционирование мозга и поведение, – равносильно отрицанию, что эволюция вообще воздействовала на человеческий мозг⁷.

Конечно, по мере того как скапливаются исследования о половых различиях в мозге, аргумент, что половой отбор создал два типа человеческого мозга – мужской и женский, все более крепнет⁸. Возможно, в конце концов Джон Грей был прав, когда утверждал, что мужчины с Марса, а женщины с Венеры? Некоторые ученые утверждают, что хотя средние различия в том, как мужчины и женщины думают, чувствуют и действуют, относительно малы, суммарный эффект очень велик. “Психологически, мужчины и женщины – это почти два разных вида” – заключил один ученый из Манчестерской школы бизнеса⁹. Кэхилл, в свою очередь, предполагает, что этот эффект похож на то, как множество мелких различий между “вольво” и “шевроле корвет” – небольшие различия в тормозах, скромная несхожесть поршней и так далее – приводят к совершенно различным типам машин¹⁰. Возможно, не случайно, что одна из них – хорошая и безопасная семейная машина с вместительным багажником, а другая создана демонстрировать силу и статус¹¹.

Мы часто ведем себя и говорим так, будто люди категориально различаются по полу: мужчины *такие*, а женщины *эдакие*. В магазинах игрушек отдельные полки (реальные или виртуальные) предполагают, что биологический пол ребенка легко подскажет, какой вид игрушек его заинтересует. Возможно, в соответствии с давлением полового отбора в нашем эволюционном прошлом, “мальчуковые игрушки” поощряют интерес к спорту, состязательность, доминирование и конструирование. А розовые полки с более нежными подношениями из кукол, домашней утвари и наборов косметики вдохновляют два столпа традиционной женственности – заботу и хорошенькую внешность¹².

Некоторые школы хвастаются отдельными классами, аргументируя это тем, что биологический пол формирует полезные категории для педагогических нужд. Например, рекламный слоган школы для мальчиков недалеко от моего дома “Мы знаем мальчиков” предполагает, что, если там однажды появится девочка, это приведет к состоянию глубокого замешательства. “Но мы знаем *мальчиков!*” – видимо, воскликнут учителя в отчаянии.

Множество книг поддерживают послание тома “Мужчины с Марса, женщины с Венеры”¹³ с другими названиями, обещающими объяснить, почему “Мужчины как вафли – женщины как спагетти”¹⁴, “Почему мужчины хотят секса, а женщины любви”¹⁵, “Почему мужчины не слушают, а женщины не могут читать карты”¹⁶, “Почему мужчины не гладят”¹⁷ и даже “Почему мужчины как прямые линии, а женщины как узор в горошек”¹⁸ (прямые линии очень неприветливы, оказывается).

И когда дело доходит до рабочего места, многие консультанты по “гендерным различиям” воспринимают как должное, что биологический пол вполне может заменить полезные навыки. Чтобы увеличить количество женщин на ведущих постах, они рекомендуют работодателям “использовать уникальные качества мужчин и женщин”¹⁹. Если у вас почти одни мужчины на руководящих должностях, утверждают авторы книги, – то это все равно что подметать пол с девятью совками и одним веником. Возьмем типичное произведение подобного рода: “Работай со мной: 8 слепых пятен между мужчинами и женщинами в бизнесе”²⁰, к

которому уважительно отнеслись в *Forbes* и *The Economist*²¹. Авторы Барбара Эннис и Джон Грей утверждают, что у работников следует культивировать “гендерную грамотность”: понимание мужских и женских взглядов и потребностей, достойную оценку женского таланта к коллективности, сотрудничеству, их интуицию и эмпатию, которые идеально уравновесят мужской подход: состязательность, целеустремленность и порой социальную бестактность.

Если думать о мужчинах и женщинах как о взаимно дополняющих друг друга половинках, то логично поискать ту мощную причину, что создает различия между полами. И если вы думаете сейчас о гормоне, начинающемся с буквы “Т”, вы не одиноки. Тестостерон давно и часто возникает в объяснениях различий между полами. Например, недавняя книга “Тестостерон: секс, власть и воля к победе” нейробиолога Джо Герберта из Кембриджского университета позволяет читателю оценить могущество этого гормона:

После любой дискуссии о влиянии тестостерона на историю человечества во всей ее широте и сложности остается простой факт: без тестостерона не было бы людей, чтобы эту историю творить²².

Вот *это* вывод, он точно пробуждает пиетет, которого заслуживают яички... по крайней мере, пока вы не поймете, что тот же ход рассуждений применим и к эстрогену, углероду и даже к самому скучному из элементов – азоту. Но все же: Секс! Власть! Воля к победе! Как объясняет Герберт, это именно те мужские качества, которые, в соответствии с обретенной мудростью благодаря нашему эволюционному прошлому, так необходимы для мужского репродуктивного успеха²³. Прилив тестостерона во время созревания плода критичен для развития мужских репродуктивных органов. Поддержание высоких показателей тестостерона в пубертате вызывает выработку спермы и развитие вторичных половых признаков, таких как повышенная мышечная масса, волосы на лице, широкие плечи. Вполне разумно предположить, что тестостерон также делает мужчин *мужественными*²⁴ и в результате мужчины психологически *такие*, а женщины, у которых его мало, *эдакие*? Как гормональная суть мужественности, тестостерон мог бы способствовать тому, что желание секса, влечение к власти и воля к победе будут развиваться гораздо сильнее у того пола, для которого это полезно в стратегии размножения.

Мы все знаем, что это значит для равенства полов на работе. Для мужчин более широкий выбор возможностей для спаривания означает, что “всю свою жизнь мужчины придерживаются более рискованной стратегии с более высокими ставками, чем женщины”, как утверждает один ученый²⁵. Так что это означает для надежд на равенство, если тестостерон запускает склонность к приключениям? *Конечно*, мы должны ценить особые качества, которые проистекают из женского подхода к жизни – из их стратегии низких рисков и ставок. Пока мировые экономики бьются, пытаюсь очухаться от опрометчивых рисков, навлекших глобальный финансовый кризис, комментаторы спрашивают, “не слишком ли много тестостерона” на Уоллстрит²⁶, призывая больше женщин-руководителей в финансовую сферу. Ведь для женщины с крошечной капелькой тестостерона в крови все эти субстандартные ипотечные кредиты и сложные деривативные кредиты не будут так заманчивы. Но есть и другая сторона медали. Если, благодаря эволюции и тестостерону, один пол биологически более расположен к рискам и соперничеству, тогда разумно предположить, что этот пол также будет более склонен, скажем, к азартному предпринимательству, автомобильным гонкам или мечтам о власти, и каждый день будет предоставлять ему пьянящую возможность гавкнуть: “Джоне, ты уволен!” Вот как объясняет последствия Дюпре:

Если стремление к статусу – это форма *мужского* репродуктивного успеха, то мы наконец-то нашли биологическую причину для более низкого

статуса женщин. Пусть тогда мужчины добиваются статуса, пока женщины посвящают себя важному делу поддержания молодости²⁷.

Правда, мы, как правило, не считаем, что научные факты определяют нашу жизнь. Из слов ученого, что нечто “естественно” – например, мужская агрессия или изнасилования, – не следует, что мы обязаны это оправдывать, поддерживать или предписывать. Но это и не значит, что науке нечего добавить к социальным дебатам или стремлениям²⁸. Хотя наука и не подсказывает нам, каким *должно быть* общество – это дело нашей морали, – она может подсказать, как поддержать наши моральные ценности, какие меры для этого стоит принять²⁹. Как говорит философ Джэнет Кеннетт из Университета Маккуори, если эгалитарное общество не является “подлинным шансом для таких существ, как мы... то... эгалитарные рекомендации и идеалы оказываются скомпрометированы”³⁰. Если в мужской природе заложена игра с определенным типом игрушек, желание работать в определенных профессиях, готовность жертвовать семьей и рисковать, чтобы добраться до вершины, тогда, конечно, это говорит нам, на какой тип общества надо надеяться и к какому стремиться. Стут, например, берет на себя труд утешить нас, что его выводы о длительном влиянии нашего эволюционного прошлого на женский интерес к биологии или инженерному делу, “конечно же, не значат, что женщины в современном обществе должны придерживаться традиционных ролей”. Он подчеркивает, что люди должны быть свободны в выборе нетипичной карьеры. Но он также считает, что эта возможность никогда не станет повсеместной и что стремление уравнивать женщин в высокооплачиваемых сферах науки, технологий, инженерии и математики “отрицает человеческую биологию и природу”³¹.

Это заявление показывает, какое бремя ответственности лежит на плечах тех, кто принимает такой взгляд на половые различия: им приходится быть глашатаями неприятной, но неизбежной истины. Принцип полового равенства – ни одному человеку не должно быть отказано в возможности чего-либо просто на основании того, какие гениталии упрятаны у него в трусах – достаточно хорошо усвоен в западном современном обществе. Видимо, завсегдатаи джентльменских клубов крепко спали, когда произошел этот сдвиг в социальных взглядах и законодательстве, но большинство из нас принимает его, и принцип вписан в закон о равных возможностях. Но если мужской пол и женский пол по своей сути различны, тогда равенство возможностей никогда не приведет к равенству исходов. Нам говорят, что “если всевозможные различия свести к единственному слову, это слово будет не «дискриминация», а «тестостерон»”³²; что эти половые различия в предпочтениях рисков – “одна из основных причин гендерных различий на трудовом рынке”³³; и что, вместо того чтобы беспокоиться о розовых и голубых полках в магазинах игрушек, мы должны уважать “базовые и глубокие различия”³⁴ в типах игрушек, которые предпочитают мальчики и девочки, и “пусть мальчики останутся мальчиками, а девочки – девочками”³⁵.

*Вот он, Тестостерон Рекс: эта знакомая, правдоподобная, убедительная и могущественная история о поле и обществе. Сплетая воедино взаимосвязанные тезисы об эволюции, о мозге, гормонах и поведении, она предлагает складный и убедительный рассказ о долгом и, казалось бы, непреодолимом половом неравенстве. Тестостерон Рекс может показаться непобедимым. Когда бы мы ни обсуждали тему полового неравенства и попытки борьбы с ним, он маячит в комнате гигантскими слоновьими яйцами. *А как же наши эволюционные различия, несхожести мужского мозга и женского? А как же весь этот мужской тестостерон?**

Но копните немного глубже, и вы увидите, что взгляд, отвергающий Тестостерон Рекс, не требует отрицания эволюции, различий или биологии. На самом деле, именно учет этих факторов в основе его опровержения. Как покажет эта книга, Тестостерон Рекс все понимает

неверно, неверно и еще раз неверно. Современное научное понимание динамики полового отбора, влияния пола на мозг и поведение, отношений между тестостероном и поведением, а также связей между нашим эволюционным прошлым и возможным будущим в корне не приемлет перспективу Тестостерона Рекса.

Бесспорно, естественный отбор сформировал наш мозг и наши тела. Если и существуют феминистские креационисты (а это уж слишком неправдоподобная комбинация мировоззрений), я могу уверить вас, что сама таковой не являюсь. Но как объясняет первая часть этой книги, “Прошлое”, знакомая версия полового отбора “биологическое обобщение” сейчас определенно выглядит слишком древней. Десятилетия исследований в области эволюционной биологии расшатали ключевые постулаты, которые когда-то считались универсальными для всего животного царства, где трудолюбивые, но не обремененные воспитанием самцы борются за застенчивых, заботливых, занятых воспитанием детенышей самок. Естественный половой порядок оказывается удивительно разнообразным, и мы тоже приносим свои уникально человеческие особенности в историю полового отбора. Уже много лет наука переписывает и очеловечивает эту эволюционную повесть – и довольно мало остается от старой сказки, которая лежит в основе Тестостерона Рекса, как покажут первые три главы.

“Прошлое” стирает старые предположения о том, что универсальные принципы полового отбора неумолимо способствовали эволюции двух *типов* человеческой природы, мужского и женского. Это открывает путь второй части – “Настоящее”, которая продолжает убеждать нас в том же за пределами сексуальности. Излишне говорить, что в наши дни мы все согласны: “природа” и “воспитание” взаимодействуют в нашем развитии. Но в интеракционистской позиции Тестостерона Рекса биологический пол – “базовая, устойчивая, могущественная и непосредственная причина человеческих решений”³⁶. Пол фундаментален, так он утверждает. Это вечное, неизменное семя, из которого разворачивается мужская или женская программа развития. Опыт играет вторичную роль в индивидуальной истории развития по отношению к мужскому мозгу и мужской природе или женскому мозгу и женской природе. Конечно, есть вариации – не все мужчины одинаковы, как и не все женщины. Но из всего этого “шума” индивидуальных различий может быть извлечена мужская или женская “суть”: особенности мужественности и женственности – естественные, незыблемые, абстрактные, исторически и кросс-культурно неизменные, основанные на глубоких биологических факторах³⁷. Когда мы говорим “пусть мальчики останутся мальчиками” или обвиняем прогрессивные нововведения в попытках “идти против природы”, мы предполагаем, что существуют такие эволюционно заложенные исходы, или “сущности”³⁸.

Но как покажут главы 4 и 5, хотя генетические и гормональные компоненты пола, безусловно, влияют на развитие и функционирование мозга (мы ведь не бесполое чистые листья), пол – это всего лишь один из многих взаимодействующих факторов. Мы адаптировавшийся вид, разумеется, но мы необычайно гибкие. За пределами гениталий пол удивительно динамичен и не только открыт влиянию гендерных конструкторов, но и опирается на них. Пол не предписывает нам мужской или женский мозг, мужскую или женскую натуру. Не существует обязательных мужских или женских черт – даже когда дело доходит до склонности к риску и состоятельности, характеристик, которыми регулярно объясняют, почему мужчины чаще добиваются успеха.

Так как же сюда вписывается тестостерон? Как он создает маскулинность, если не существует единого способа быть мужчиной и нет общего мужского начала? Тестостерон влияет на наш мозг, тело, поведение. Но как объясняет глава 6, он не король и не дела-

тель королей¹ – не могущественная гормональная суть состязательной, склонной к риску маскулинности, каким его часто считают. Поэтому, хотя будет честным признать, что преимущественно *мужчины* навлекли на нас глобальный финансовый кризис, модное сейчас утверждение, будто “это сделал тестостерон” и, следовательно, “эндокринное разнообразие” спасет нас³⁹, – превосходный пример того, что бывает, когда искаженное мышление Тестостерона Рекса применяется к исследованиям и публичным дебатам, как показывает глава 7.

Так что мы будем делать с этим новым и только возникающим научным пониманием отношений между полом и обществом?

Финал книги, “Будущее”, заглядывает вперед. Смерть Тестостерона Рекса и прибытие его научного преемника должны преобразить наши мысли о будущем социальных изменений. В последней главе объясняется, почему мы больше не можем считать, что половые различия считаются “биологическими”, “врожденными”, кросскультурно универсальными проявлениями половых адаптаций, которые нельзя изменить. Так чего мы хотим как общество?

Без сомнения, Тестостерон Рекс переживет критику, которой он подвергнется в этой книге, и – как чучело домашней собаки, которое переживает свой естественный век, – продолжит появляться на публике и в научном воображении. Однако надеюсь, он выйдет из этой драки тяжело раненным. Или хотя бы слегка потрепанным.

Но я серьезно: Тестостерон Рекс – вымерший вид. Он неверно представляет наше прошлое, настоящее и будущее, он сбивает с пути научные исследования и устанавливает неравный статус-кво. Пора попрощаться с ним и двигаться дальше.

¹ Так изначально прозвали Ричарда Невилла, графа Уорика, за то, что в Войне Алой и Белой розы он сначала помог Эдуарду IV свергнуть Генриха VI, а потом опять вернул того на престол. – *Примеч. перев.*

Замечание о терминологии

Некоторое время назад мой младший сын забуксовал, делая домашнее задание, потому что не был уверен, использовать ли слово “пол” или “гендер”, чтобы описать упражнение в школьном лагере, которое нужно было делать в парах мальчик – девочка.

– Что ж! – воскликнула я с ликованием, когда он спросил, как будет правильно, и возрадовалась про себя идеальному моменту для феминистского обучения. – Это очень любопытный вопрос, Олли. Попробую объяснить.

При этих словах старший брат Олли тихонько охнул. Если вы можете представить себе лица зрителей, когда маленький голландский мальчик внезапно вынул пальчик из дырочки в плотине², у вас будет примерное представление о выражении его лица.

Со спокойным достоинством проигнорировав его взгляд, я начала проповедь о принципах терминологии, но была почти тут же прервана.

– Скажи мне, *какое* слово, мама, – нетерпеливо сказал сын. – У меня еще задачки на умножение. Нужно “пол” или “гендер”?

Его неуверенность неудивительна. С конца 1970-х годов слово “гендер” стало использоваться для разграничения биологического пола и мужских и женских качеств и статусов, которые общество определяет как мужские или женские. Идея заключалась в том, что отсылка к “гендеру” подчеркивает роль социальных конструкторов (которые общество определяет как мужские или женские) в создании различий между полами в противоположность неумолимо действующей мужской или женской биологической природе¹. Но этот взгляд продержался недолго. С начала 1980-х слово “гендер” также начало использоваться вместо слова “пол” как способ уточнения, является ли организм с биологической точки зрения мужским или женским – даже если это животное, а не человек². В наши дни, например, в опросах регулярно просят указать “ваш гендер”, хотя ожидается, что ответ будет основан на том, имеет ли человек влагалище или пенис, а не на том, каковы его гендерные психические качества или предпочтения. Клерк, рассматривающий ваше заявление на открытие кредитной карты, не оценит, если вы, вместо того чтобы поставить галочку в одном из квадратиков, пуститесь в рассуждения, что в каком-то смысле ваш гендер мужской, а в каком-то не менее важном аспекте женский. Сдвиг в использовании лишил слово “гендер” его изначального значения и функции³. Теперь вместо него феминистские ученые используют термин “пол/гендер” или “гендер/пол”, чтобы подчеркнуть, что, когда вы сравниваете два пола, вы всегда смотрите на результат смешения биологического пола и социальных гендерных конструкторов⁴. Но хотя это вполне разумно (как я покажу в главах 4 и 6), это не слишком благоприятствует легкому чтению. По этой причине я использую “пол”, когда описываю сравнения, основанные на категориях биологического пола, и “гендер”, когда обращаюсь к социальным атрибутам.

Моя вторая жертва научной педантичности ради лучшей читабельности – использование слова “промискуитетный” (вместо таких более специфических и точных терминов, как “полигинный”, “экстрадиадическое спаривание”, “полиандрический” и “множественное спаривание”), пусть этот термин недолюбливают в эволюционной биологии⁵. Хотя “промис-

² В повести для детей “Ханс Бринкер, или Серебряные коньки” писательница Мэри Мейпс Додж придумала героя, который заткнул пальчиком дамбу и провел так всю ночь, спасая Голландию от затопления. История полностью выдумана, но в 1950 году персонажу поставили памятник. – *Примеч. перев.*

куитетный”, “неразборчивый” – весьма оценочный термин, в данной книге он не несет никакого морального осуждения. Даже в рассказе о разнузданных птичках песочниках в главе 1⁶.

Часть первая Прошлое

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОШЛОЕ



Глава 1 Занимательные мушки

В далеком и туманном прошлом, в котором теряется история моих свиданий, я встречалась с мужчиной, ездившим на “мазерати”. Я проговорила об этом маме, и она ответила неестественно бодрым тоном, что использует всякий раз, когда, из уважения к моей формальной взрослости, хочет скрыть свою убежденность, что мое поведение неумолимо влечет меня к катастрофе. “Надо же, *«мазерати»!* – воскликнула она. – А у него *много* подружек?” У этого толстого намека интересная научная история. В середине прошлого века британский биолог Ангус Бейтмен провел серию экспериментов на плодовых мушках. Они стали рогом изобилия для заявлений о психологических различиях, которые возникли в процессе эволюции между мужчинами и женщинами. Если вы когда-нибудь слышали мнение, что мужчины водят “мазерати” по той же причине, по которой павлины отращивают пышные хвосты, знайте: это отголоски того самого эпохального исследования. Оно было вдохновлено дарвиновской теорией полового отбора – спорной концепцией в его общепринятой теории естественного отбора. (Естественный отбор – это процесс, в котором частота разных версий наследуемого признака меняется со временем, так как некоторая степень его выраженности приводит к большему репродуктивному успеху особи среди ей подобных.) Теория полового отбора была отчасти попыткой объяснить загадку, почему самцы некоторых видов экстравагантно пестрые, словно хвост павлина. Эти явления требовали объяснений, так как не вписывались в дарвиновскую теорию естественного отбора. В конце концов, если главная цель вашей жизни – постараться, чтобы вас не съело другое животное, то длинные, яркие, развевающиеся на ветру перья хвоста – не лучшее приобретение.

Дарвиновское объяснение опиралось на подробные наблюдения за животными и их брачными играми. Как написал журналист *Nature* о том периоде в истории, “несмотря на репутацию викторианской эпохи как ханжеской... оставалось мало уголков мира, где токующие животные могли избежать дотошного натуралиста”¹. Эти полевые исследования подвигли Дарвина написать в “Происхождении человека и половом отборе”, что причина отличий мужчин от женщин

...похоже, заключается в том, что самцы почти всех животных имеют более страстную натуру, чем самки. Поэтому именно самцы сражаются друг с другом и усердно красуются перед самками².

Касательно борьбы, которую ученые называют внутривидовой конкуренцией, Дарвин предположил, что из-за нее некоторые особенности, такие как внушительный размер или пугающе громадные рога, у самцов отбираются чаще. Это происходит потому, что такие признаки увеличивают репродуктивное преимущество самца, помогая ему бороться с другими самцами за доступ к самкам. С другой стороны, более причудливые особенности, такие как роскошное оперение, приятный запах или затейливая песня, положительно влияют на репродуктивный успех самца, увеличивая его привлекательность для самки как полового партнера. Эта динамика называется межполовой конкуренцией.

Дарвин признавал, что схема, которую он описал, иногда работает в обратную сторону, и самки оказываются более состязательными и красивыми, а самцы более избирательными и менее эффектными. Но это менее распространено, так как, считает Дарвин, выбирают чаще самцов, чем самок. Он заключил, что это как-то связано с малым размером и мобильностью сперматозоидов по сравнению с яйцеклетками. Но именно Бейтмен, подхватив его идею и развив ее, предложил первое убедительное объяснение, почему именно самцы состязаются, а самки выбирают между ними.

Целью его исследования было проверить предсказания теории полового отбора. Как и естественному отбору, половому отбору необходима изменчивость репродуктивного успеха: если все одинаково успешны в производстве потомства, нет основания для исключения менее успешных особей. Если, как предположил

Дарвин, половой отбор более строг к самцам, это означает, что у них больше изменчивости в репродуктивном успехе, чем у самок, то есть больший разброс между наименее и наиболее репродуктивно успешными особями. Бейтмен первый решил проверить это утверждение³.

Он провел шесть серий экспериментов, в которых самцы и самки плодовых мушек (*Drosophila melanogaster*) были заперты вместе в стеклянных контейнерах на три-четыре дня. На исходе этого периода Бейтмен проверял, сколько потомства произвел каждый самец и каждая самка и от скольких партнеров. Для этого ему потребовалась большая изобретательность, так как молекулярная биология, которая сегодня позволяет продавать наборы для определения родительства в супермаркетах, в 1940-х годах еще не существовала.

Если говорить в терминах киноискусства, Бейтмен придумал нечто среднее между “Франкенштейном” и “Большим братом”. Каждая мушка в его серии имела характерную мутацию: у кого-то были очаровательные клички (такие, как Щетинка, Лысый, Волосатое Крыло), у других свойства были более жуткие (например, мушка с миниатюрными глазами или даже безглазая “микроцефальная” мушка). Каждая мушка имела один доминантный мутантный аллель (одну из двух копий гена) и рецессивный нормальный аллель. Если вы припомните школьную биологию, примерно четверть потомства должна была получить мутацию от матери и отца, четверть – только от отца и еще одна четверть – только от матери (последние счастливые 25 % потомства не получали никаких мутаций). Этот принцип гене-

тического наследования позволил Бейтмену оценить, сколько потомства от каждой мужской и женской особи было получено и сколько разных партнеров у мушки было.

Результатом шести серий спаривания стал первый научный доклад о большей изменчивости репродуктивного успеха у мужских особей. Например, 21 % самцов не смог произвести потомства по сравнению только с 4 % самок. Самцы также отличались большей изменчивостью по предположительному количеству партнеров. Но именно связь этих двух фактов стала основой объяснения, почему мужчины соревнуются, а женщины выбирают: Бейтмен заключил, что мужской репродуктивный успех возрастает с промискуитетом, а женский – нет. Его критически важным выводом была уже знакомая нам идея, что успех самца в производстве потомства сильно ограничен количеством самок, которых он сможет оплодотворить, в то время как самка ничего не достигает от спаривания с более чем одним партнером (поскольку первый партнер и так снабдит ее гораздо большим количеством спермы, чем ей нужно).

Любопытно, что исследование Бейтмена не замечали более двадцати лет⁴. Но позже его аргумент был расширен в знаковой статье эволюционного биолога Роберта Трайверса⁵. В этой работе экономика производства яйцеклетки и спермы была рассмотрена более подробно, выражена в терминах большего вклада самки – крупная драгоценная яйцеклетка по сравнению со скромным мужским вкладом – единственный крошечный сперматозоид. Трайверс также указал, что неравнозначные затраты на воспроизводство могут не ограничиваться половыми различиями в размерах пожертвованных гамет (то есть яйцеклетки и сперматозоида), а распространяться на вынашивание, лактацию, кормление и защиту. Я уверена, что любая читательница, у которой есть опыт материнства, согласится с аргументом о важности женской репродуктивной роли у млекопитающих. (Лично я осознала эту глубокую истину во время первой беременности, когда прочитала яркое описание родов как физического подвига, когда человек пытается выбраться из машины через выхлопную трубу.) Больше вкладывающий в воспроизводство пол – обычно женский – должен выбрать лучшего самца из возможных, размышлял Трайверс, поскольку затраты на низкосортное спаривание будут значительными. Но самцам лучше состязаться с другими самцами, чтобы распространить свое дешевое, запущенное в массовое производство семя среди как можно большего числа самок. Отсюда следует вывод, заключал Трайверс, что самец обычно мало теряет и много приобретает, забывая о существующем потомстве и пускаясь на поиски нового партнера.

Парадигма Бейтмена, когда ее заметили, на долгое время стала “основополагающим принципом и краеугольным камнем теории полового отбора”. Эволюционный биолог Университета Сент-Луиса (штат Миссури) Зулейма Танг-Мартинес пишет:

До недавнего времени непререкаемые постулаты в исследованиях полового отбора заключались в том, что яйцеклетки требуют больших затрат, а сперматозоиды неисчерпаемы и дешевы, что самцы должны быть промискуитетны, а женщины – избирательны и спариваться только с одним лучшим самцом и что должна быть большая репродуктивная изменчивость среди самцов (по сравнению с самками), потому что именно самцы состязаются за самок и спариваются больше чем с одной самкой. Так как самки, предположительно, спариваются только с одним самцом, это значит, что некоторые самцы могут спариваться со многими самками, в то время как другие – с немногими или даже ни с кем. Эта репродуктивная изменчивость приводит к половому отбору черт, которыми обладают более успешные самцы⁶.

Безусловно элегантные рассуждения Бейтмена, развитые Трайверсом, обрели статус универсальных принципов на многие годы. Они также стали основой для заявлений об эволюционных различиях между женщинами и мужчинами, в которых павлиньи хвосты заменялись “мазерати”, шикарными офисами и большими сверкающими призами. Просто замените фразу “много самок” на “много подружек”, а “признаки, которыми обладают более успешные самцы” на “мазерати, которыми обладают более успешные мужчины”, и все сойдется. С эволюционной точки зрения женщина, стремящаяся к высокому статусу, – это примерно как рыба, мечтающая о велосипеде.

Но за последние несколько десятилетий в эволюционной биологии произошел настолько значительный концептуальный и эмпирический переворот против полового отбора, что, по словам одного профессора в этой области, с которым я говорила, классические труды Бейтмена и Трайверса теперь цитируют разве что из сентиментальности. И поэтому удивительно, что первые данные, опровергающие эту теорию, принадлежат самому Бейтмену.

Хотя выводы Бейтмена вызывают в воображении образ особняка *Playboy* или хорошо укомплектованных гаремов, нам необходимо вернуться к стеклянным контейнерам. Только в нашем молодом столетии ученые заметили, что это (кхм) судьбоносное исследование никогда не воспроизводилось и даже не изучалось как следует, и современные эволюционные биологи Брайан Снайдер и Патриша Говэти решили к нему приглядеться. Как они признают, они вернулись к исследованию со многими преимуществами, которых Бейтмен был лишен. Преимущества включали современные компьютеры, более изощренные статистические методы и – осмелюсь я добавить? – пятьдесят лет феминистских открытий о том, как культурные убеждения могут повлиять на научный процесс⁷. Как и другие современные критики Бейтмена, Снайдер и Говэти выразили ученому уважение и восхищение его “революционным” методом. Но, как они указывают, учитывая его “фундаментальную природу”, было “важно убедиться, что данные Бейтмена надежны, его анализ верен, а выводы оправданны”⁸. Но подтверждений этому не последовало. Проверка Снайдера и Говэти обнаружила значительные проблемы.

Для начала, как вы помните, Бейтмен использовал разные мутировавшие штаммы *Drosophila*, чтобы делать выводы о репродуктивном успехе исходя из конкретных переданных каждому потомку наборов аномалий. Если этот метод оставил вас в брезгливом размышлении о жутких мушках, которым не повезло унаследовать и материнскую и отцовскую мутацию, вы в одном шаге от серьезной проблемы: эти мутации повлияли на живучесть потомства, и Бейтмен подсчитал лишь выживший молодняк⁹. Но если, с другой стороны, мушка была более способна выжить, так как имела лишь одну мутацию или ни одной, тогда отпрыск приписывался, в лучшем случае, лишь одному родителю. Так как происхождение столь многих потомков было полностью или частично не определено, это оставляло большие возможности для ошибок. Бейтмен упомянул эту проблему, а Снайдер и Говэти подсчитали ошибки. Они заметили, что данные двух третей экспериментов Бейтмена свидетельствовали о том, что самцы производили больше потомства, чем самки, что логически невозможно, так как каждый отпрыск имеет и отца и мать. Иными словами, данные были искажены в сторону подсчета потомства самцов¹⁰. Этот перекокс важно было заметить, так как сама задача исследования заключалась в том, чтобы сравнить изменчивость репродуктивного успеха самцов и самок, а данные были искажены таким образом, что предположительная изменчивость самцов была преувеличена.

Даже если не затрагивать источник искажения данных Бейтмена, остается важная проблема, впервые поднятая Танг-Мартинес и Брандтом Райдером¹¹. Отметив, что иссле-

дование Бейтмена было “изобретательным и элегантным”¹², они также указали, что его знаменитое открытие, согласно которому лишь самцам выгоден промискуитет, – ставшее бессмертным универсальным принципом, – в действительности было применимо только к последним двум сериям экспериментов. По причинам, которые остаются неясными¹³, Бейтмен проанализировал данные из первых четырех серий отдельно от последних двух и представил их в двух разных графиках. Примечательно, что самки показали больший репродуктивный успех с большим числом партнеров в первых четырех сериях, хотя и менее выраженный, чем у самцов. Но в разделе обсуждения в своей статье Бейтмен сфокусировался преимущественно на результатах, которые соответствовали идее состязательных самцов и избирательных самок. Как замечает Танг-Мартинес, этот избирательный фокус затем был перенят другими:

За некоторыми исключениями большинство последователей представляли в своих работах только данные из серий 5 и 6 (второй график Бейтмена) и полагались на них. В общих рассуждениях о половом отборе и даже в учебниках по поведению животных почти всегда оказывался только второй график, и обсуждение было ограничено этими результатами обычно как объяснение, почему мужчины промискуитетны, а самки скромны и избирательны. Результаты серий 1–4 и любые рассуждения о росте [репродуктивного успеха] самок как следствии количества самцов, с которыми они спаривались, фактически исчезли из литературы¹⁴.

Чтобы увидеть, как результаты выглядели бы без очевидно произвольного разбиения экспериментальных серий, сделанного Бейтменом, Снайдер и Говэти заново проанализировали данные из всех шести серий, объединив их. Как радостно заявляют исследователи, если бы только Бейтмен сделал это сам, он мог бы с гордостью сообщить о первом доказательстве репродуктивной выгоды женского промискуитета! Репродуктивный успех увеличивался с числом партнеров и у самок, и у самцов, причем примерно в равных долях. Учтя это вместе с перекосом в сторону подсчета отцовских отпрысков, ученые заключили, что “в данных Бейтмена нет серьезной статистической основы для вывода, что репродуктивный успех самок не увеличивается с числом партнеров”¹⁵.

Бесспорно, из-за того что идеи Бейтмена противоречили его данным, наука буксовала. Конечно, эволюционные биологи, интересующиеся половым отбором, не бездельничали десятилетиями по причине того, что старина Бейтмен открыл все, что им было нужно, еще в 1948 году. Они были заняты экспериментами, и современные исследования обнаружили множество видов, для которых принципы Бейтмена действительно применимы¹⁶. Однако *Drosophila melanogaster* оказалась лишь одним из многих существ, для которых эти принципы не работают. В 2012 году в академическом журнале поведенческой экологии появился длинный список из 39 видов всего животного царства, у которых, как обнаружили ученые, женский промискуитет приводит к большему репродуктивному успеху¹⁷. И хотя у многих видов промискуитет все же более выгоден самцам, иногда выгода одинакова для самцов и самок (например, у сосновых бурундуков и восточных тигровых саламандр)¹⁸.

В противоположность историческому пониманию, что промискуитет в целом вотчина самцов, теперь ясно, что женский промискуитет распространен во всем животном царстве: от плодовых мушек¹⁹ до горбатых китов²⁰ – и “повсеместен” среди приматов²¹. Это открытие стало возможным благодаря тестам на отцовство, позволившим ученым снять покров тайны, под которым скрывался безудержный женский промискуитет (в основном многих видов птиц, считавшихся моногамными)²². Представьте себе токовище – некую арену, на

которой самцы состязаются друг с другом и где “победитель забирает все” в смысле доступа к самкам. Это случай состязательных самцов и разборчивых самок. Но у некоторых видов при более внимательном изучении с тестами на отцовство оказывается, что все происходит наоборот. Например, двухлетние наблюдения за канадским песочником, очаровательной птичкой из семейства бекасовых, показывают, что в соответствии с традиционными ожиданиями тока один удачливый самец вовлекается в 80 % спариваний в первый год и в 100 % во второй год²³. Можно было бы подумать, что для него игра стоит свеч. Но тестирование ДНК свыше 160 высиженных птенцов на отцовство показало, что многое происходит “за кулисами”. Далеко не один и не два самца срывают репродуктивный джекпот: минимум пятьдесят девять самцов оплодотворяют яйца в сорока семи протестированных выводках (яйца из одного выводка могут иметь разных отцов)! Это значит, что “отцов было больше, чем матерей”²⁴. Помните, предполагается, что есть только *один* отец, которого делит целое сообщество матерей. Более того, большинство самцов имело потомство с одной самкой, но удивительные 40 % выводков имели больше одного отца.

Трудно придумать больший контраст традиционному пониманию, как происходит ток. Представьте женщин в гареме в разговоре с султаном: “О, нет, этот ребенок не твой – это дочка второго лакея... Э? А, извини. Он тоже не твой, это сын шофера. погоди, султан, мы найдем твоего ребенка. Надия... Надия! Помнишь, который из этих детей от султана? О, да, верно. Вон тот мальчик, что играет со своим сводным братом. Он твой. Почти уверена”.

Вообще, поразительные сообщения о женском промискуитете появлялись еще в 1960-1970-х годах, как указывает поведенческий эколог Сара Блэффер Хрди из Калифорнийского университета в Дейвисе. Возьмем крупных кошачьих, например львицу, которая должна во время гона спариться более сотни раз за день с разными львами. Или павианов, которые активно стремятся к множественным коротким спариваниям²⁵. И все же подобные наблюдения не произвели достаточного эффекта, возможно, потому, как насмешливо пишет Хрди, что “теоретически феномен не должен был существовать”²⁶. (Как саркастически замечают антропологи, “я бы не увидел этого, если бы сам в это не верил”²⁷.)

Хрди может предъявить претензию самой знаменитой идее о женской моногамии. Будучи выпускницей Гарвардского университета, она изучала серых лангуров в Индии и заметила, что самки часто соблазняют самцов, не являющихся “их так называемыми *держателями гаремов*”. Вот как Хрди описывает свое постепенное просветление:

Я впервые познакомилась с лангурами, видом, которым я потом занималась около 10 лет с перерывами, когда увидела самку возле пустыни Тар в Раджастане. Она быстро поднималась по крутому гранитному каньону, покидая свою семью, чтобы соблазнить самцов из чисто мужской группы. В то время я не могла объяснить поведение, которое казалось мне странным и непонятным. Только со временем я убедилась, что такое “распутное” поведение было обычным делом в жизни лангуров²⁸.

Учитывая риски и затраты таких “избыточных” спариваний (например, болезнь, хищники, которые могут напасть на одинокое животное, а также потеря времени и энергии, которые можно было бы потратить на что-то еще), это было поведение, требующее объяснения. (Хрди предположила, что оно помогало оставить открытым вопрос об отцовстве, из-за чего малыша могли пощадить при нападении.) С момента этого знаменитого научного открытия, ученые придумывали различные хитроумные объяснения преимущества, которое самки получают от множественных спариваний. Поскольку будет только справедливо, если самки тоже получают возможность эволюционного оправдания измены (шепот-моих-генов-заставил-меня-сделать-это), я представлю несколько таких идей. Предположительная польза

женского промискуитета состоит в генетических выгодах, более здоровом потомстве, возможности устроить состязание сперматозоидов, которое исключит слабых особей. Также есть предположение, что самки спариваются с несколькими самцами, чтобы саботировать репродуктивный успех соперниц, истощая местные запасы спермы²⁹.

Последняя возможность кажется более подходящей для Доктора Зло, чем для матушки-природы, но это оттого, что идеи Бейтмена затенили представление о *женской* конкуренции³⁰. На протяжении многих лет считалось, что, так как даже самая посредственная самка может совершить скромный подвиг и оплодотвориться страстным самцом, все половозрелые самки размножаются с равным успехом. Поэтому самки должны испытывать меньшее давление отбора для развития признаков, которые дают им репродуктивное преимущество над другими самками. Но, как заметила Хрди более тридцати лет назад, и современные исследования продолжают это подтверждать, статус самки и ее ситуация могут иметь важные последствия для ее репродуктивного успеха – особенно в длительной перспективе, когда несоответствия в мужском репродуктивном успехе могут до какой-то степени выровняться, так как самцы по очереди становятся “царями горы”³¹. Среди приматов, например, овуляция самки с низким статусом может быть подавлена доминантными самками или другие самки могут преследовать ее, пока не случится выкидыш. Если же она все-таки выносит детеныша, у него меньше шансов выжить и преуспеть из-за плохого питания, нападений или даже инфантицида, совершаемого соперницами. Ужасно, но эти разбойницы даже съедают убитых ими детенышей. Между тем самки шимпанзе с более высоким статусом размножаются быстрее, у их детенышей больше шансов выжить, видимо, из-за доступа к более богатым источникам пищи³².

Ресурсы и статус много значат для самок. (Конечно, сейчас самое время напомнить себе, что выражение “очередность клева” мы получили благодаря наблюдению за курами.) Доминантные самки млекопитающих получают больше пищи лучшего качества, доступ к воде и местам гнездования, у них меньше риска быть растерзанными хищником – иными словами, “большой репродуктивный успех доминантных самок распространен среди разных видов млекопитающих”³³. Так как они имеют все необходимое для беременности, лактации, а для подросших детенышей – еду, защиту, возможно, уютное гнездышко или привилегированное пользование пастбищами, это вполне понятно. Те, кто лучше способен состязаться за материальные и социальные ресурсы, скорее передаст свои гены следующему поколению и даже – благодаря *качеству* потомства или наследованию ранга³⁴ – более отдаленным потомкам³⁵.

Короче говоря, ни промискуитет, ни конкуренция ради достижения репродуктивного успеха не являются исключительными качествами самцов.

И третий аргумент против идей Бейтмена заключается в том, что самцы тоже бывают избирательными.

Это, разумеется, бессмысленно, если вы начинаете с предположения, что для них спаривание дается по минимальной цене единственного сперматозоида из бездонного запаса. Но это большое заблуждение. Возьмем, к примеру, предположительно головокружительное изобилие и пустячную стоимость мужской спермы. Как указывают некоторые ученые, наблюдение и личный опыт свидетельствуют, что самцы не предлагают единственный сперматозоид в обмен на яйцеклетку³⁶. Вместо этого они выдают миллионы сперматозоидов за раз (у людей где-то двести миллионов)³⁷, плавающих в богатых выделениях железы. И хотя у разных видов ситуация может варьироваться, биологи заключили, что в целом “устаревшее” представление, будто самцы могут легко производить неограниченное число сперма-

тозоидов, заведомо ложно»³⁸. В самом деле, у самцов одного вида пауков сперма заканчивается после первого спаривания³⁹. Также единичная эякуляция может быть недостаточна для оплодотворения, что увеличивает биологические расходы⁴⁰. Есть и другие затраты на спаривание, помимо спермы. Самцы многих видов преподносят самкам “свадебные дары”, такие как питательная сперма, пойманная добыча или даже части собственного тела. И у многих видов, у которых коитус чуть более изощрен, чем брутально эффективное столкновение гамет, на ухаживание тратятся время и силы.

В целом у самцов некоторых видов есть хорошие репродуктивные причины для разборчивости. Литература на эту тему снабжает зоопсихолога-любителя множеством захватывающих случаев, которые косвенно иллюстрируют, что для самцов спаривание имеет значительную биологическую *цену*⁴¹. Самцы некоторых видов (как клоп щитник и рыба-попугай) справляются с проблемой затраты спермы по методу Скруджа, нехотя “дозируя объем эякуляции”⁴² в зависимости от репродуктивного качества получающей сперму самки⁴³. Другие, как сумчатая мышь *Antechinus*, выбирают противоположный подход – транжирство и сношаются до смерти во время короткого периода случки⁴⁴. Цена секса для самца паука *Argiope keyserlingi* столь высока, что он спаривается лишь раз в жизни. Как мне объяснил эволюционный биолог Марк Элгар из Мельбурнского университета, так происходит потому, что во время этого радостного события “он по глупости ломает свой копулятивный аппарат, и самка избавляет его от стыда, съедая его”⁴⁵. Другие виды снижают затраты, выбирая целомудрие. В лаборатории Элгара самцам палочника Маклея предлагают спариваться каждую неделю. Хотя им все равно весь день делать нечего, кроме как притворяться палочкой, они решают спариваться лишь в 30–40 % случаев⁴⁶. Жук мучной хрущак, кузнечики-мормоны и скворцы обычно столь же безразличны к обаянию самок⁴⁷. В самом деле, оказывается, даже самцы *Drosophila*, за которыми закрепился образ волокит, порой отказываются от заигрывания похотливых самок предположительно потому, что берегут свою сперму для подходящей партнерши⁴⁸.

Учитывая все проблемы оригинальной работы Бейтмена, неудивительно, что, как оказывается, простых соотношений между родительским вкладом и родительской заботой тоже не существует. На многие годы люди настолько увлеклись головокружительными репродуктивными возможностями самцов, что забыли спросить, откуда берутся все эти готовые к соитию самки⁴⁹. Факт, что большинство самок уже могут быть заняты существующим отпрыском, упускался. В целом репродуктивный успех самцов не может превзойти успех самок вследствие простого факта, что каждый детеныш имеет и отца и мать. Как указывают эволюционные биологи Ханна Кокко и Майкл Дженъонс, теоретическая возможность, что самец может произвести десятки потомков, если спарится с десятками самок, не так значима, если в реальности только несколько самок доступны для спаривания, а конкуренция за них напряженная. Как они говорят, теория родительского вклада Трайверса

...подспудно подразумевает, что лучшей реакцией самцов, которые сталкиваются с большим количеством соперников, чем самки, – больше инвестировать в оружие, окраску и другие черты, которые увеличивают доступ к партнершам. Однако существует весомый контраргумент: когда становится туго, лучше придумать что-то еще⁵⁰.

Прекрасный пример – жуки-носороги⁵¹. Крупные самцы этого вида отрачивают длинные рога и воинственно охраняют входы в туннели, которые самки используют для спаривания и заботы о яйцах. Но пока рогатые самцы борются у входа в туннели, мелкие самцы

используют другую стратегию, которая не требует ни рогов, ни битвы. Они просто проникают в туннель через боковой вход, находят самку и спариваются. (Самки, кстати, не выказывают особого предпочтения более мужественным ухажерам.) В этом случае у самцов есть выбор между двумя репродуктивными стратегиями, и умный подход обходит дорогостоящую агрессивность и вооружение. Но самцы других видов могут предпочесть что-то еще, а именно отцовскую заботу. Развивается ли у вида отцовская забота, зависит от взаимодействия многих разных факторов, которые еще не до конца изучены. Но определенно она более распространена у птиц и рыб, чем у млекопитающих, у которых беременность и лактация налагают биологические обязанности на мать. И все же исключения есть и у приматов, у которых распространена отцовская забота: “многие самцы привычно защищают, спасают, охраняют, сидят с малышами, усыновляют, носят, предоставляют укрытие, кормят, играют и причесывают детенышей”⁵².

Проясню, мораль всего этого – не демонстрация, что люди похожи на канадских песочников, палочников или шимпанзе. Вывод не в том, что начальницы подавляют овуляцию девушек-интернов, и это не предупреждение, что некий первобытный инстинкт толкает женщин, работающих в детских садах, убить вашего малыша, а может, даже и съесть. И я определенно не говорю, что половые различия в репродуктивных ролях не имеют никаких последствий. Скорее, я хотела показать невероятное многообразие половых ролей в царстве животных: у разных видов биологический пол определяется размером гаметы, но это, в свою очередь, не определяет условия спаривания или родительскую заботу⁵³. Это означает, что, если мы ставим под вопрос популярный, вдохновленный Бейтменом взгляд на половые отношения человека, из этого еще не следует, что мы пытаемся изъять человечество из-под действия фундаментальных законов, которые применимы к каждому животному.

Но не менее важно, даже *внутри* вида, что биологический пол не обязательно предписывает фиксированный шаблон того, как достичь важной задачи размножения. Самки полевых сверчков, например, очень состязательны, когда еды мало, предположительно потому, что самцы снабжают их питательной спермой. Однако когда вокруг много пыльцы, которую они очень любят, они возвращаются к более “традиционному”, избирательному подходу⁵⁴. Кто бы мог предположить, что пыльца обладает силой менять половую природу? Или возьмите рыбу двухпятнистого бычка, вид, в котором соотношение доступных самцов к самкам быстро меняется в течение всего нескольких месяцев, так как самцы вымирают от напряженного спаривания, родительства и тяжелой жизни в целом. Опять-таки это изменение среды значимо влияет на спаривание. “В начале сезона самцы агрессивно состязаются друг с другом за партнерш и очень активны в ухаживаниях, а в конце сезона самки... становятся ведущим полом”⁵⁵.

Есть еще птица лесная завирушка. В книге, посвященной ее повадкам, зоолог Ник Дейвис из Кембриджского университета замечает, что в середине XIX века преподобный орнитолог-любитель “поощрял своих прихожан жить скромно, как завирушка”. Но как Дейвис сообщает в своих полевых исследованиях, завирушка лесная отличается “странным половым поведением и необычайно разнообразной схемой спаривания”⁵⁶. В зависимости от таких факторов, как размер территории самки и насколько боевые качества самца и самки соответствуют друг другу, завирушки могут устанавливать удивительно разнообразные половые отношения: моногамию, одна самка и два самца, один самец и две самки, две самки, делящие двух самцов⁵⁷. Как весело замечает Дейвис, если бы паства преподобного любителя птичек “последовала его совету, приход погрузился бы в хаос”⁵⁸.

Словом, даже в пределах одного вида биологический пол не обязательно определяет стратегии спаривания, которые могут “различаться в зависимости от времени и пространства и гибко меняться как функции экологических и социальных факторов”, заключают шведские биологи Малин А-Кинг и Ингрид Анешье⁵⁹. Родительская забота, замечают они, не столь вариабельна. Но даже она может порой меняться у одного вида. Например, в некоторых стаях японских макак взрослые самцы защищают, носят и причесывают детенышей одного и двух лет. Но самцы из других стай, живущих в других уголках страны, выказывают меньше родительской заботы, а то и вовсе никакой⁶⁰. Даже когда дело доходит до чего-то столь фундаментального, как спаривание, влияние пола более гибкое и неопределенное, чем мы могли бы предположить – к этому мы вернемся во второй части книги.

Итак, с чем это нас оставляет? В эволюционной биологии тема полового отбора пребывает в удивительном состоянии суматохи; эмпирические открытия переворачивают общепринятые факты с ног на голову, а благодаря концептуальным переменам долго принимавшиеся предположения вылетают в трубу. Мужчина с “мазерати” – увлекательный феномен, заслуживающий изучения, это точно. Но является ли он биологическим эквивалентом большерогого оленя, а его идеальная роскошная машина – аналогом переливающегося, биологически экстравагантного хвоста павлина, – это еще предстоит выяснить.

Глава 2

Сотня младенцев?

Из всех услышанных мной историй о родах мне особенно нравится одна, рассказанная женщиной (назовем ее Лили) из группы мамочек, в которой я состою. История Лили начинается вполне обычно. Она чувствовала себя изможденной, ее тошнило в первом триместре, потом она объедалась следующие три месяца, когда происходил основной рост и развитие зародыша, и потом снова была уставшей в третьем триместре, когда эмбрион заканчивал свое развитие. Наконец, у Лили рано начались схватки. Не ужасающе рано, но это вызвало неудобство, так как ее партнер был за рубежом, в США, по работе. Приземлившись в Мельбурне как раз вовремя после бессонных двадцати двух часов полета, волнуясь за Лили и нерожденного ребенка, он поспешил в больницу и был направлен в палату, где подходили к финалу ее роды. Он бросился к ней, но в состоянии утомления, увидев на полу лужицу крови, он с позывами рвоты упал на ее постель. Лили с силой его оттолкнула.

Будущий отец послушно опрокинулся на спину и разбил голову о неприветливый больничный пол. Медицинский персонал немедленно перевернулся от Лили к нему, и к тому времени, как она начала выталкивать их сыночка, отец был усажен в кресло-каталку, а его горящие щеки обдувал легкий ветерок, пока его спешно везли по коридору к врачу, который должен был подлатать ему голову.

Если еще не понятно, к чему я клоню, суть вот в чем. Когда дело доходит до чуда рождения новой жизни, когда мужчина уже обеспечил женщину сперматозоидами, тогда, даже если его последующий вклад будет бесполезен, мужчина все равно в выигрышном положении. Поэтому на первый взгляд репродуктивный потенциал мужчин выше женского. Как отмечает психолог Дороти Эйнон: “За то время как женщина завершает менструальный цикл, в процессе которого созревает яйцеклетка, мужчина может эякулировать... сотню раз”¹ (хотя будем надеяться, он не окажется настолько ребячлив, что станет считать). Было вычислено, что в “оптимальных” условиях женщина может родить около 15 детей за всю свою жизнь². Некоторые женщины даже умудрились родить гораздо больше: жена русского крестьянина Федора Васильева, оставшаяся в истории безымянной, 37 раз была беременна и родила 69 детей. Однако самый высокий средний уровень рождаемости – 10–11 детей на одну женщину, и это внушительное коллективное достижение женщин из религиозной секты гуттеритов в начале XX века³. И, как часто замечают, мужчина способен произвести в десять раз больше детей за один только год. Это, как нам постоянно говорят, неизбежно приводит к различиям того, что нам шепчут гены. Вот что пишет психолог Дэвид Шмитт из Университета Брэдли:

Представьте, что за один год один мужчина может произвести на свет ни много ни мало сотню детей, беспорядочно спариваясь с сотней женщин, в то время как моногамный мужчина будет заботиться только об одном ребенке от своей партнерши – за тот же срок. С эволюционной точки зрения этот факт представляет сильное давление отбора и важную проблему адаптации и требует от мужских стратегий спаривания хотя бы некоторого желанного сексуального разнообразия⁴.

Цепочка размышлений та же, что у Бейтмена, особенно вывод, что от мужчин, производящих потомство, требуется лишь столовая ложка спермы и нетрудоемкое, приятное упражнение. Но, как мы видели в предыдущей главе, у многих видов ситуация гораздо более

Использование нереалистичных цифр мужского репродуктивного успеха вредно, так как нет доказательств, что у людей или других приматов в любой изучаемой популяции регулярно случаются такие резкие репродуктивные отклонения. При использовании таких предположений в качестве отправной точки, пусть даже гипотетической, закладываются нереалистичные предпосылки, которые затем могут применяться для создания разнообразных сценариев, полностью ложных, выстроенных на ошибочном базовом допущении²⁰.

Или, говоря проще: удачи тебе, фантастический мужчина эволюционной психологии.

Эволюционные психологи, кстати, точно не считают, что мужчин интересует лишь секс без обязательств или что женщины желают только моногамии. Одна точка зрения из этой интеллектуальной среды, например, предполагает, что оба пола используют кратко- и долгосрочные “стратегии”, хотя и в разной степени, и их привлекают разные качества партнеров²¹. Но для большей части нашей эволюционной истории половое поведение, основанное на “промискуитетных желаниях, которые приводят к многочисленным половым партнерам”, – как Шмитт описывает мужскую “краткосрочную стратегию спаривания”²², – не является правдоподобным или плодотворным способом достичь репродуктивного успеха. Это должно подготовить нас к фактам – в противоположность стереотипам – о сексуальности современных западных мужчин и женщин. В книге “Бросая вызов Казанове: По ту сторону стереотипа неразборчивого молодого мужчины” (*Challenging Casanova: Beyond the Stereotype of the Promiscuous Young Male*) психолог Эндрю Смайлер из Университета Уэйк-Форест замечает, что “парни, которые спят с кем попало, являются нормой, а парни моногамные выглядят исключением”²³. И все же Смайлер объясняет, что эти убеждения основаны на искажении реальности²⁴.

Разумеется, полагаться исключительно на то, что люди сообщают о своих сексуальных желаниях и поведении, не стоит (хотя, конечно, это этически предпочтительнее, чем шпионить за ними). Мужчины и женщины склонны по-разному приукрашивать информацию (например, о просмотре порнографии и мастурбации), чтобы лучше вписываться в двойные стандарты, связанные с сексом²⁵. Вообще, головная боль исследователей сексуального поведения возникает потому, что мужчины в среднем устойчиво сообщают о большем числе партнерш, чем женщины о числе партнеров. Логически это невозможно, так как гетеросексуальная связь требует присутствия и мужчины и женщины. Эта несостыковка, возможно, происходит оттого, что мужчины “больше склонны «округлять» количество партнерш”. Если у мужчины было около пятнадцати партнерш, то он склонен отвечать “приблизительно”, называя число, кратное пяти (“Ну-ка, посмотрим: Сьюзи, Дженни, Малини, Рут... скажем, пятьдесят”), и несоответствие между средним числом партнеров для мужчин и женщин в старших возрастных группах заметно возрастает, вероятно, когда память уже не та²⁶. Очевидно раздутые цифры у мужчин раздувают и их предполагаемую изменчивость: но не стоит и говорить, что половой отбор действует только на репродуктивные исходы *действительных*, а не воображаемых событий.

Когда мы принимаем эти самоотчеты на веру, различия между полами оказываются весьма велики. Определенно, средний мужчина сообщает о большем интересе к случайному сексу, чем женщины – по крайней мере, в том не самом широком исследованном срезе человечества²⁷. Но не существует четкой линии, разграничивающей два пола, как и модель мужской сексуальности Казановы не подходит для большинства мужчин. Возьмем Британское национальное исследование отношения к сексу и жизненных стилей²⁸ со случайной выбор-

кой более чем 12 000 человек в возрасте от 16 до 44 лет²⁹. Опять-таки отнесемся к этим цифрам скептически: мужчины 16–17 лет в среднем сообщают о большем числе сексуальных партнерш (на 0,4), чем женщины того же возраста; количество партнеров у мужчин от 35 до 44 лет превышает количество у женщин на 9, то есть эти цифры раздуваются с возрастом. Но на самом деле количество сексуальных партнеров и у большинства мужчин, и у большинства женщин за последние 3 месяца, последний год и даже последние 5 лет – всего один³⁰. А на протяжении жизни среднее число партнеров составляет шесть у мужчин и четыре у женщин. Эти скромные цифры указывают, что лишь малая часть мужчин сообщает о пяти и более партнершах за последний год: около 5 % (по сравнению с 2 % у женщин)³¹.

Конечно, мужчины *хотят* заниматься сексом со множеством разных женщин, но они не могут реализовать свои предпочтения. И даже когда мужчин спрашивают, сколько партнерш они бы хотели иметь в *идеале*, ответы не слишком отличаются от ответов женщин и показывают сильную неохоту мужчин примерять на себя роль гиганта случайного секса. Британское исследование обнаружило, что большинство мужчин и женщин в идеале предпочли бы отношения сексуальной исключительности³ – 80 % мужчин, 89 % женщин³². В старшей подвыборке (35–44 года) разрыв еще меньше (86 % мужчин и 92 % женщин). Третье, что большинству женатых или живущих с партнершей мужчин нравилась идея сексуальной исключительности³³. Это грубое сходство между полами в теории моногамии переходит в практику, по крайней мере по самоотчетам. Обширные репрезентативные национальные исследования обнаруживают, что мужья лишь немногим больше, чем жены рассказывают о сексе вне брака³⁴. Не стоит переживать и за одиноких женщин: у 8 % одиноких женщин из Британского исследования в идеале хотели бы моногамных отношений, как и 67 % одиноких мужчин³⁵. Наконец, в противоположность ожиданиям, что мужчины стремятся обрести социальный статус с целью получить возможность размножаться, мужчины высокого социального статуса более склонны предпочесть моногамный брак и менее всего желали посвятить себя исключительно случайному сексу³⁶.

Существуют, однако, два знаменитых исследования, которые поддерживают идею Тестостерона Рекса о резком контрасте сексуальной природы мужчины и женщины. В этих исследованиях, проведенных Расселом Кларком и Элейн Хэтфилд, умеренно привлекательные молодые мужчины и женщины, “подсадные утки”, были пущены гулять по университетскому кампусу³⁷. Этим актерам велено было подходить к людям противоположного пола и начинать разговор с фразы: “Я заметил(-а) тебя на кампусе. Ты очень привлекательный(-ая)”. За этой внезапной откровенностью следовало одно из трех предложений: “Может, вместе поужинаем?”, “Заглянешь ко мне вечером?” или “Хочешь провести со мной ночь?” Мужчины и женщины с равной частотой соглашались на свидание (около 50 %). Но хотя 69 % мужчин согласились посетить квартиру женщины и еще больше – провести с ней ночь, очень мало кого из женщин заинтересовало приглашение в квартиру незнакомого мужчины и ни одна не согласилась на секс. Похожие исследования в Дании и Франции обнаружили, что мужчины проявляют гораздо больший интерес к завуалированному или прямому приглашению к случайному сексу³⁸.

Это исследование часто называют “настоящей” проверкой сексуальных различий в склонностях к промискуитету, в отличие от того, что люди просто говорят о себе. Возможно, так и есть, и действительное сексуальное искушение в человеческом облике может переиг-

³ Отношения сексуальной исключительности (sexually exclusive relationships) – сексуальные отношения двух людей, которые обещают не заниматься сексом с другими партнерами. При этом между ними может не быть отношений привязанности. – *Примеч. перев.*

рать то, что мужчины думают (или предпочитают сообщать) о себе. Однако стоит указать, что эксперимент заканчивался вскоре после того, как ничего не подозревающий – и предположительно удивленный – участник опроса давал ответ. Мы не знаем, например, сколько женщин после свидания занялись бы сексом³⁹. Мы также не знаем, насколько серьезно мужчины принимали эти крайне неправдоподобные сексуальные приглашения и пошли бы они до конца. По моему мнению, нет способа различить “Да, конечно” в смысле “Представьте, насколько силен мой сексуальный магнетизм, что женщина в здравом рассудке желает уединиться для секса со мной, полным незнакомцем” и “Да, конечно” в смысле “Забавно, тебя друзья подговорили?” или “Это странно, но я буду вежлив”. По сути, в последующей письменной симуляции того же исследования (в которой участникам сообщали этот сценарий и просили представить, как бы они ответили), несмотря на то что избегалась неловкость ситуации, мужчины в целом были не склонны принимать сексуальное приглашение⁴⁰. Даже в чуть более правдоподобной версии сценария, когда предлагающая себя женщина утверждала, что она его однокурсница, а предложению предшествовала короткая вежливая беседа, многие мужчины сообщали, что им было бы неинтересно по причине, что это “Слишком прямолинейно, странно, показалось, что она слегка чокнутая” и “Нужно чего-то поболее одной беседы, чтобы залезть ко мне в штаны”⁴¹.

Второе очевидное возражение, что это исследование *в действительности* показывает нежелание женщин быть убитыми, изнасилованными или ограбленными или поощрять интерес потенциально навязчивого ухажера. Конечно, авторы исследования, как и другие, отмечают этот факт⁴². В письменной симуляции оригинального исследования женщины часто указывали, что эта ситуация жуткая, опасная, дает им ощущение преследования, и поэтому они отказывались от предложения⁴³.

В итоге результаты исследования “Хочешь провести со мной ночь?” показывают одно из наибольших половых различий, когда-либо обнаруженных в психологических исследованиях, и оно требует объяснения, так как, возможно, выводы о фундаментальных различиях между мужской и женской сексуальной природой являются преждевременными. И недавняя работа психолога Терри Конлей и коллег из Мичиганского университета объясняет, что скрывается за результатами этой знаменитой работы. А именно: социальная реальность такова, что мужчины и женщины в подобных исследованиях участвуют в разных экспериментах. Дело не только в том, что женщинам предлагают оказаться в ситуации, которая просто является олицетворением “напроситься на неприятности” и о которых их предупреждают годами⁴⁴. Но благодаря двойным стандартам есть еще два останавливающих женщин фактора.

Во-первых, женщина, соглашающаяся на предложение случайного секса, рискует показаться и себе и другим “шлюхой”, как замечают Кларк и Хэтфилд. Кое-где, например в США, некоторые люди отбросили двойные стандарты в отношениях полов как культурный пережиток. Определенно, взгляды могут меняться – иногда удивительно быстро, как я обнаружила однажды, посетив дом своего университетского бойфренда. Его отец жестко протестовал против того, чтобы я спала в одной комнате с его сыном, не будучи замужем за ним. Жена, уважительно его выслушав, предложила, что, если ему так будет легче, пусть достанет лестницу, заберется на чердак, найдет раскладушку, спустит ее по лестнице, отмоет, починит, разложит ее в кабинете, найдет постельное белье и приготовит для меня постель. Отец моего парня, пораскинув мозгами, заключил, что нужно идти в ногу со временем.

Времена действительно изменились, и некоторые письменные лабораторные исследования (обычно со студентами в качестве опрашиваемых) не находят подтверждений двойных стандартов в отношении полов или находят, но лишь в некоторых демографических группах⁴⁵ или в менее традиционных сексуальных активностях⁴⁶. Но двойные стандарты возни-

кают, когда исследователи переходят от вымышленных виньеток к реальным разговорам с людьми. Этнографическое исследование студентов, например, “обнаружило, что большинство из них верят в гетеросексуальные двойные стандарты и разделили женщин на «хороших» и «шлюх»”⁴⁷. Этнограф обобщил типичное отношение студентов-мужчин:

Мужчины имеют право несколько лет экспериментировать в сексе. Для этого существует достаточно шлюх. А когда это из меня выветрится, я найду хорошую женщину для долгосрочных отношений (или для брака)⁴⁸.

У слова “шлюха” не существует мужского эквивалента. Как замечает Эмер О’Тул из Университета Конкордия в мемуарах “Девочки останутся девочками”, это сильный негласный урок сексуальной морали:

Я узнала множество слов, обозначающих женщин, имеющих многочисленных партнеров: распутница, проститутка, шлюха, потаскуха, гулящая, блудница, женщина легкого поведения, слабая на передок, путана, шалава, блядь – и только одно для мужчин: жиголо, которому каким-то образом всегда сопутствовал дух забавного достижения⁴⁹.

Похожим образом самая близкая пара, найденная в исследовании студенческих языковых культур, была hoo-buck⁵⁰ (пара к hobag (шлюха), на русском что-то близкое к “жеребец”, но вообще это один из старинных вариантов написания города Хобокен. – *Примеч. перев.*), сленговое словечко, настолько миролюбивое, что первый результат поиска в гугле вернул мне Hooebuck Realty (“Недвижимость Хобака”). Когда Floozy Homes (floozy – женщина свободных нравов, соответственно, “Свободные дома”. – *Примеч. перев.*) станут подходящим названием для рынка недвижимости, мы будем знать, что двойные стандарты в отношениях полов *действительно* остались в прошлом. Предположительно, при оценке потенциальных последствий случайного секса для репутации воспринимаемые культурные нормы *будут* значить для человека больше, чем его собственные, очевидно идиосинкратические, взгляды⁵¹. И хотя относительно прогрессивные студенты университетов *сами* не поддерживают двойные стандарты в отношении полов (пусть мужчины и отрицают их с меньшим энтузиазмом, чем женщины), они считают, что так поступают *другие*⁵².

Также с легкостью не замечают риск для женщины от другого двойного стандарта в отношениях полов: немалую вероятность того, что событие не оправдает ожиданий. Масштабное исследование тысяч североамериканских студенток обнаружило, что они лишь в 11 % случаев испытывают оргазм при первой случайной “встрече”. В то же время следует отметить, что оргазм не единственная цель полового контакта, и женщины в 6 раз более склонны насладиться случайной встречей, если у них ранее был уже такой опыт⁵³. Интервью после встреч объясняют, почему женщинам так сложно достичь оргазма. Студенты в целом соглашались, что для мужчины важнее получить сексуальное удовлетворение в любом контексте, а для женщины – только в контексте отношений. Однако не обнаруживалось обязанности обеспечить женщине сексуальное удовлетворение при случайном сексе. Хотя мужчины и считали, что помощь подруге в достижении оргазма хорошо сказывается на их маскулинности, но они не чувствовали, что должны заботиться о партнерше по случайному сексу. Один участник исследования сформулировал это особенно емко:

Один мужчина сказал нам: “Я жутко заморочен на ее оргазме”, но мы уточнили: “Ты в принципе про женщин или про кого-то конкретного?” И он ответил: “Про свою девушку. Когда я просто кого-то цепляю, мне плевать”⁵⁴.

Что если незнакомец, пригласивший вас провести с ним ночь, окажется *этим* парнем?

Из всего сказанного мы можем почерпнуть пару идей. Во-первых, возможно, стоит обновить гендерные нормы галантности. Правила, что мужчины должны открывать для женщин двери и платить на свидании, вполне можно отринуть, заботу и щедрость перенести в спальню. Во-вторых, расхождение между полами в энтузиазме по поводу случайного секса можно было бы преодолеть, если бы мужчины оставались сексуально неудовлетворенными три раза из четырех, а женщины при этом получали бы сексуальное удовлетворение.

Неудивительно в свете всего сказанного, что когда Конлей представила студентам, участникам исследования, гипотетическую версию эксперимента Кларка и Хэтфилд, то они восприняли ситуацию по-разному. Мужчины, предлагавшие себя, воспринимались более опасными, чем предлагавшие себя женщины⁵⁵. Женщины при этом предсказывали, что они будут хуже восприняты в целом: более распущенными, социально неприемлемыми и сексуально отчаявшимися, – если примут предложение, а не предпочтут отказаться⁵⁶. Для мужчин, напротив, принятие предложения означало улучшение их репутации, а не ущерб для нее. Студенты также предполагали, что предлагавший себя мужчина был более посредственным любовником, чем предлагавшая себя женщина, а значит, с ним не стоит рассчитывать на положительный сексуальный опыт⁵⁷ – что вполне достоверно, по крайней мере для североамериканских студентов. Эти различия и учитывались при рассмотрении предложения, с учетом сексуального мастерства потенциального партнера в качестве главного условия. Конлей обнаружила, что это было важно не только для совершенно невероятного сценария Кларка и Хэтфилд, но и когда речь заходила о реальных предложениях случайного секса, которые участники получали в прошлом. И если рассматривалась ситуация со знаменитостями или близким другом, а не полным незнакомцем, то половые различия в интересе к предложению исчезали⁵⁸.

Конечно, письменные проверки гипотетических сценариев полового поведения ограничены, и нельзя представлять исследования Конлей как последнее слово в этом вопросе. Другие исследования, например, не нашли подтверждения, что мужчины и женщины по-разному оценивают социальные риски от секса с несколькими половыми партнерами или что эти риски значимо влияют на желаемое количество партнеров⁵⁹. Также нельзя сказать, что мужская и женская сексуальность одинакова. Но эти исследования полезны, так как привлекают внимание к тому, что легко не заметить: существует много разных социальных факторов, все еще не одинаковых для мужчин и женщин, которые влияют на решение о сексе. Забавно, но потребность в этом напоминании была обозначена одним маститым психологом, раскритиковавшим результаты Конлей по той причине, что женский интерес к сексу со знаменитостью “может быть мотивирован чем-то помимо секса”⁶⁰. Как будто секс, при нормальном стечении обстоятельств, отделим от идентичности, репутации, гендерных ролей, представлений о “завоеваниях” и “шлюхах”, от давления сверстников и престижа, от власти, экономики, отношений, от культурно оформленных сексуальных сценариев, от стыда тела или любых других сложных составляющих чьей-то внутренней и социальной жизни.

Это приводит нас к важному открытию (о котором мы подробнее поговорим в следующей главе), что, когда половое поведение рассматривается сквозь призму взглядов Бейтмена, оно отфильтровывает нашу человечность. Вспомните, как исследователи, вдохновленные эволюционной психологией, объясняют, почему мужчины в их исследованиях отказываются от случайного секса. Очевидные объяснения: моральные ценности, привязанность, верность, простое отсутствие интереса к сексу с нелюбимым человеком – игнорируются, вместо этого сексуальное ограничение объясняется в терминах репродуктивных исходов, перевешенных “риском потерять приоритетного партнера с хорошими репродуктивными перспективами вследствие обнаружения неверности”⁶¹. Секс, лишенный всего челове-

ского, становится похож на... спаривание, и как мы увидим в следующей главе, неясно, как часто люди им занимаются.

Ничто из вышесказанного, кстати, не означает для меня приветствие идеи, что моногамия – “естественное” предпочтение мужчин, а промискуитет – предпочтение женщин⁶². Эволюционный биолог Марлен Зук из Миннесотского университета в своей книге “Палеофантазия: Что эволюция в действительности говорит нам о сексе, диете и том, как мы живем” (*Paleofantasy: What Evolution Really Tells Us about Sex, Diet, and How We Live*) предполагает, исходя из множества источников, что люди успешно спаривались и размножались, используя самые различные социальные шаблоны в зависимости от эпохи, места и обстоятельств: “Как и с диетой, тренировками и другими биологическими активностями, которые люди хотят выполнять единственным «естественным» способом, такого единственного сценария для полов не существует”⁶³. Даже полиандрия (женщина и двое и более мужей) в определенных демографических и экологических условиях наблюдается чаще, чем ранее предполагалось, причем во многих уголках мира, то есть “полиандрия могла существовать на протяжении всей человеческой эволюционной истории”. Любопытно, что социальные группы “очевидно способны создавать (и упразднить) высокий уровень полиандрии за весьма короткий промежуток времени”⁶⁴. В эссе, метко названном “Люди...гамны” бостонский антрополог Патрик Кларкин из Массачусетского университета отмечает, что “учитывая всю важность секса и размножения в эволюции, естественный отбор должен был бы надеть на нас смирительную рубашку и дать нам более строгий план действий... этого, похоже, не произошло”⁶⁵.

Наука далеко ушла от взгляда Тестостерона Рекса на половой отбор, в соответствии с которым по универсальному эволюционному плану спортивные машины – это павлиньи хвосты, и благодаря им состязательные мужчины соревнуются за фертильных самок, что закладывает психологические основы полового неравенства. Как мы увидели в предыдущей главе, на протяжении десятилетий в эволюционной биологии проверялись и опровергались вдохновленные Бейтменом принципы, заложившие основы позиции Тестостерона Рекса – начиная с предположительной дешевизны спермы и заканчивая мнимой бесполезностью женской конкуренции. Прошли те дни, когда исследователи ссылались на, скажем, патриархальную динамику в семьях морских слонов, говоря о людях. Старое убеждение, будто половой отбор создал почти универсальные половые роли (мужчины почти всегда делают это, а женщины – то), сменилось на растущее понимание многообразия ухаживаний и родительских ролей у животных как разных видов, так и внутри одного вида.

Эта межвидовая изменчивость означает, что не существует универсального шаблона для влияния генетических и гормональных составляющих пола на мозг и поведение. А изменчивость “половых ролей” внутри одного вида – вспомните полевых сверчков, жуков-носорогов, лесных завирушек и, конечно же, нас самих – подводит к не менее важному выводу (к которому мы вернемся позднее). Половой отбор не поймал эти роли в клещи генов и гормонов, но позволяет животным находиться под сильным влиянием социальных, материальных, физических и – в нашем случае – экономических, культурных и политических обстоятельств. Это важно, потому что последствия взгляда Тестостерона Рекса на эффекты полового отбора простираются намного дальше спальни. В конечном итоге эта старая сказка утверждает, будто эти различия не просто сексизм и дискриминация. В основе этого неравенства – шепот эволюции. Мужчинам она шепчет: “Все верно... продолжай в том же духе, сынок. Я знаю, это может показаться нелогичным, но 80 часов в неделю, которые ты торчишь в лаборатории, становясь бледной немочью со склонностью к рахиту, помогут тебе стать более привлекательным для здоровых, красивых, фертильных женщин. Но поверь мне

– это так и есть”. А женщинам эволюция нашептывает: “Ты уверена, что этот тяжелый труд того стоит? Может, пойти домой и посвятить время тем детям, которые у тебя уже есть? О, и может, немного причесаться? Уложишь красиво волосы и сразу помолодеешь”.

Но эта древняя история едва держится на ногах, и уже рождается новая. Как обнаружили Лили из моей группы мамочек и ее партнер, жизненные перемены не всегда дожидаются, пока ты подготовишься к ним. Так же и здесь. Не важно, радуетесь ли вы им в родовой или уматываете прочь в инвалидном кресле, хватаясь за голову. Перемены уже спешат появиться на свет.

Глава 3

Новый взгляд на секс

В один памятный вечер красавец на “мазерати” подарил мне солнечные очки “Булгари”. С традиционной точки зрения на половой отбор это был блестящий стратегический шаг – как сооружение изысканного шалаша, которым самцы птиц-шалашников соблазняют самок. Могло показаться, будто он проштудировал книгу “Как заставить половой отбор работать на вас: руководство для мужчин” и строго ей следует. Точка зрения эволюционной психологии на потребительское поведение, например (с кивком в сторону привычки самцов павианов предлагать самкам еду в обмен на спаривание), предполагала, что “традиция подарков могла возникнуть как отчетливо мужская стратегия спаривания”, позволяющая мужчинам “хвастаться своими ресурсами”¹. Но хотя некоторые авторы явно полагают, будто перед этой привычкой невозможно устоять, в эволюционной биологии считается, что попытка объяснить человеческую природу поверхностно похожим поведением других животных² – не из самых удачных. Даже у нечеловекоподобных животных действия, которые выглядят сходными у двух разных видов, могут иметь совершенно разные функции и эволюционную историю³. И хотя я не притворяюсь экспертом в психологии павианов, но уверена, что лакомому кусочку, предлагаемому павианихе, не хватает социального смысла, который отражает дорогой блеск очков “Булгари”. Например, недавний анализ подарков в нацистских концлагерях убедительно и трогательно показывает, каким совсем непавианским может быть подарок. Как установили исследователи, главными причинами дарения в этом “бесчеловечном контексте” были утверждение себя как агента действия, формирование и восстановление социальной идентичности через отношения и восстановление чувства человечности⁴. У людей подарки “раскрывают важный секрет – образ, который одариваемый пробуждает в воображении дарителя”, как выразился один ученый⁵. И еще какой секрет! Британская погода предоставляет мало подходящих случаев, чтобы укрывать глаза от солнца, но все равно подарок от “Булгари” спровоцировал грандиозное столкновение идентичностей, существующих и спроецированных. Ни у кого в нашей семье не было дизайнерских аксессуаров, и на много лет очки стали излюбленным поводом для шуток. Мы все тепло вспоминали человека, который так расщедрился ради меня. Но и комичность ситуации не осталась без внимания, поскольку, как это ни прискорбно, он попытался привлечь павианиху павлиньим хвостом.

Так как у нечеловекоподобных животных свои жизненные тяготы, их такие проблемы не сильно заботят. Пава не задумывается о том, не слишком ли цветаст павлиний хвост на ее вкус, а шалашник, думаю, не беспокоится о том, отражает ли его надежды возведенный шалаш. Да, мы – животные, и мы эволюционировали. Но уникальное человеческое изменение, в котором мы оцениваем все, даже такие биологически базовые процессы, как рождение, принятие пищи, смерть, показывает, какое это заблуждение – “утверждать об эквивалентности, скажем, птичьего оперения и спортивных машин в привлечении партнерш”⁶. В предыдущих главах я постаралась разомкнуть тесную связь в обыденном представлении между дешевизной спермы, широким репродуктивным потенциалом и эволюционным сексуальным поведением мужчин. В этой главе мы простимся с традиционным взглядом на половой отбор и примем идею, что человеческая сексуальность – это не только (возможно, даже не столько) объединение репродуктивных потенциалов. Маркс предупреждает:

Путать человеческую (культурную) сексуальность и (естественную) репродукцию – классически псевдонаучно. Конечно, сексуальность нужна

для воспроизводства – если вы лемур. Если вы человек, сексуальность – это гораздо больше, чем воспроизводство, это то, что эволюция сделала для человеческой природы⁷.

Далее он замечает, что “если вы считаете секс скорее биологическим, чем биокультуральным явлением, то, скорее всего, много его в вашей жизни не будет”.

В длинном и вдумчивом эссе антрополог Грег Дауни утверждает: “...чтобы изменить обыденное понимание эволюции, нам нужны не только данные получше, но и истории получше”. Он предложил альтернативную историю для “мужчины-распутного-похотливого-охотника и женщины-привередливой-целомудренной-собираательницы”. Это рассказ о “долгой и медленной сексуальной революции”, суть которого в том, что “человеческие сексуальные проявления... давно стали более широкими и не сводятся к успешному объединению гамет”⁸. Важно, что это не особый призыв к людям выйти за пределы эволюционной перспективы. Можно привести убедительные аргументы, что секс не служит исключительно целям воспроизводства и у других приматов⁹. Принцип “экзаптации”, по которому признак, эволюционировавший для одной функции, используется для другой, – теперь золотой стандарт эволюционной биологии¹⁰. Хрестоматийный пример приводится для нечеловеческой особенности: перья, как считается, впервые возникли у динозавров, чтобы сохранять тепло, позже стали инструментом для полового демонстрационного поведения и, наконец, для полета у птиц. Сегодня они продолжают служить всем трем функциям. Джон Дюпре высказывается в своей привычной шуточной манере, замечая, что “только из-за того, что техническое оснащение” его компьютера “было разработано на основе военных приложений, не значит, что... компьютер вечно замышляет ядерную атаку или разрабатывает оружие массового поражения”¹¹. Без сомнения, изначальной функцией наших адаптивных сексуальных желаний и поступков было воспроизводство, но это не мешает им теперь иметь другие функции. Сексуальное наслаждение создает “лазейку в эволюционной схеме”, утверждают Пол Абрамсон и Стивен Пинкертон в книге “С удовольствием: размышления о природе человеческой сексуальности” (*With Pleasure: Thoughts on the Nature of Human Sexuality*), и эта лазейка “позволяет сексуальному наслаждению объединяться с другими [нерепродуктивными] целями, такими как формирование привязанности и снижение личного и межличностного напряжения... Удовольствие, которое сопровождает секс, может мотивировать соитие и тем самым способствовать воспроизводству, но это уже не единственная функция секса”¹². Это не то же самое, что сказать, будто люди порой занимаются сексом по иным причинам, чем из сознательного намерения воспроизводства, хотя, безусловно, так и есть. Один опрос студентов обнаружил ни много ни мало 237 различных причин для занятия сексом¹³, и моя любимая в этом списке – “я хотел сменить тему разговора”. (Меня всегда занимало, в каких условиях это становится причиной для секса. Скучные званые ужины? Лабораторные собрания, на которых обратились к неловкому вопросу, кто забыл заказать пипетки?) Скорее, суть в том, что функциональная роль не исчерпывается размножением.

Почему так произошло, я не буду пытаться объяснить, даже не просите. Гипотезы об эволюции человеческого поведения напоминают мне игру в *Pictionary*⁴ с отцом. У моего папы много талантов, но изобразительное искусство не один из них. Играя, он не рисовал, а скорее проводил линию или кривую на бумаге и продолжал бурно жестикулировать с карандашом в руке. Хотя технически привлечение элементов шарады в *Pictionary* является жульничеством, наша семья понимала, что папе нужны все вспомогательные средства, которые

⁴ Игра в шарды на бумаге: одна команда рисует загаданный предмет или слово, а другая пытается отгадать. – *Примеч. перев.*

ему доступны. Исследователи, которые рассуждают об эволюционном происхождении человеческой природы, на мой взгляд, находятся в той же позиции, что и человек, угадывающий слово по рисунку моего отца и отчаянно пытающийся вычленил смысл из безнадежных каракуль. “Это огонь!” – “Нет же, глупый!” – “Конечно же, этот круг означает социальную сложность?.. О, стой, может, это голова ребенка?”

К счастью, есть несколько современных подсказок о нерепродуктивных целях секса у людей. Главную улику мы обнаружили в первой главе: частота сексуальной активности, даже когда нет шанса на воспроизводство. Учитывая затраты и риски, связанные с сексом, заниматься им часто нет смысла, если единственная задача – воспроизводство. По сути, именно по этой причине у большинства животных гормоны играют решающую роль в координации сексуальной активности: спаривание происходит, только когда возможно оплодотворение. Зачем тратиться на биологически дорогостоящие вторичные половые признаки и производство гамет или брать на себя риск, сопутствующий ухаживанию, спариванию и борьбе, если нет шанса на репродуктивный успех? Если вы самец певчей птицы, ваша изысканная песнь может привлечь внимание хищника, и на этот риск можно пойти только в разгар сезона спаривания. В соответствии с этим принципом вне сезона спаривания, когда самки не фертильны и не благосклонны, можно избежать биологических затрат, производя гонады меньшего размера, пока вновь не запахнет весной. Очевидно, что человеческое размножение не таково. И даже в сравнении с другими приматами, у которых секс также лишен гормонального контроля, наша сексуальная активность выделяется как особенно непродуктивная¹⁴.

Второе доказательство нерепродуктивного секса относится к смежной теме: люди систематически вовлекаются в сексуальные спаривания и акты, которые не только зачастую не приводят – но и не могут приводить – к беременности. Женщины не только занимаются сексом с мужчинами, когда не овулируют, но и в послеродовой период, и после менопаузы. И порой, конечно, они занимаются сексом не с мужчинами, как и некоторое количество мужчин иногда, часто или всегда предпочитают заниматься сексом с мужчинами. Также существует много человеческих сексуальных действий, таких как прикосновение, поцелуй и оральная сексуальность, которые также не имеют репродуктивного потенциала.

Антрополог Грег Лейден считает третьей уликой, доказывающей нерепродуктивную роль секса у людей, отсутствие кости у пениса: люди – единственный вид обезьян, у которых она отсутствует¹⁵. Как следствие, у мужчин по сравнению с другими обезьянами значительно снижена эффективность эрекции и оргазма:

Мужская сексуальность требует гораздо более замысловатого, длительного и сложного набора психо-сексо-социальных элементов, чем у других приматов, у которых наблюдается социальная привязанность. Разумеется, существуют исключения, но сексуальность типичного, нормального взрослого мужчины гораздо более сложна и нюансирована и во многом совсем не похожа на обезьянью. Да, народ, в отличие от *Pan troglodytes*, нашего ближайшего родственника, у нынешнего мужчины секс завязан на отношениях.

Конечно, мы с готовностью принимаем это, когда дело касается женской сексуальности. По сути, Наоми Вульф подняла отношенческий взгляд на женскую сексуальность на совершенно новый уровень в книге “Вагина. Новая история женской сексуальности”, утверждая, что

...когда он смотрит на нее, или хвалит ее, или даже складывает постиранное белье, это не только справедливо считается весьма

эффективной прелюдией; вообще-то, с позиции женского тела это важная составляющая хорошего секса¹⁶.

И хотя я только что заявила, что секс может принимать множество нерепродуктивных форм, все же складывание постирушки как разновидность секса – это слишком и для женщин, и для мужчин. Конечно, никто, насколько я знаю, не заявлял о важности для возбуждения мужчин аккуратно разобранных по парам и тщательно свернутых носках или о стимулирующем эффекте идеально сложенных простыней на резинке. И пусть это могло бы стать самым легким решением проблемы несправедливого разделения домашнего труда, я подозреваю, мужчин придется долго убеждать, что им только *кажется*, будто они шуршат по хозяйству, а на самом деле занимаются сексом. (*Милый, честно – это лучший секс, что у меня был. Можешь еще погладить кухонные полотенца?*) Но важное совпадение заключается в том, что и мужчины и женщины хотят одного-единственного сексуального партнера (даже в сексе без обязательств), и это должно развеять стереотипные представления, по которым только женщинам в сексе важны отношения. Разумеется, в уже упоминавшемся опросе студентов о причинах для секса, и у женщин, и у мужчин ведущей причиной было наслаждение, за которым следовали любовь и преданность¹⁷. Смайлер утверждает:

Если мы прекратим считать, будто мальчики и мужчины – эмоциональные инвалиды и казановы, которые хотят только секса, и начнем верить, что они цельные человеческие существа, у которых есть эмоциональные нужды и потребность в отношениях, то представьте, что может случиться¹⁸.

Любопытно, что даже очевидный контрпример меньшинства мужчин, покупающих секс¹⁹ – который часто принимается как свидетельство мужской мощи и желания исключительно физического секса, – оборачивается в некоторых случаях совершенно иным. По словам социолога Тилы Сандерс из Университета Лидса, “значительное число” мужчин, которые покупают секс, обычно или даже всегда посещают одну и ту же секс-работницу²⁰. Это кажется удивительным, учитывая естественное предположение, что покупка секса – это проявление развившегося в процессе эволюции мужского желания сексуального разнообразия, освобожденного от сковывающих его обязательств, морали, обсуждения условий, которых обычно требует секс. Зачем покупать услугу одной и той же женщины дважды, услугу потенциально столь же эмоционально простую и незамысловатую, как помывка машины или покупка бананов? И все же из интервью с этими мужчинами Сандерс заключает:

...коммерческие сексуальные отношения могут включать традиционный роман, ритуалы ухаживания, разные способы и смыслы коммуникации, сексуальную близость, взаимное удовлетворение и эмоциональную близость, которые обнаруживаются в “обычных” отношениях²¹.

Конечно, “постоянные клиенты” – лишь подтип мужчин (и можно только гадать, как эти “обычные” отношения выглядят с точки зрения женщин, предоставляющих сексуальные услуги). Но работа Сандерс показывает, что даже в этом потенциально наиболее инструментальном сексуальном обмене для некоторых мужчин эмоциональная близость, доверие, общение и дружеские отношения являются ключевыми составляющими того, за что они платят. Столь же удивительные темы и мотивировки также проявились в маленьком исследовании-опросе белых мужчин среднего класса, которые платили за секс. Исследование обнаружило, что “попытка структурировать объективную реальность, чтобы сделать ее более романтической/социальной, обнаружилась у большинства мужчин”. Любопытно, что иссле-

дователи также заявили, что во многих случаях за транзакцией следовало сразу или позже “чувство разочарования и неудовлетворенности”. Один опрашиваемый описал поразительную инверсию ролей стереотипного “утра, после”:

После акта испытываешь укол острой боли, словно что-то не так, потому что ты только что пережил нечто безличное... после чего не следует никакого общения. Все кончено, все прошло. Ты больше не интересен девушкам, с которыми только что был. И это большое разочарование²².

Один тридцатидвухлетний мужчина объяснил Сандерс:

Секс очевидно весьма интимный акт, и это странное ощущение: заниматься им с той, кого никогда прежде не встречал, а потом просто развернуться и уйти. Когда встречаешься с женщиной регулярно, это больше похоже на настоящее человеческое взаимодействие²³.

Настоящее человеческое взаимодействие. Весь этот разговор о “стратегиях спаривания” – сам термин вызывает в воображении образ препирающихся горемык, склонившихся над столом с утыканными флажками картами местных баров, – затмевает предположение, что мы “подготовлены психосексуально и физически для нерепродуктивного секса”, как утверждает Лейден²⁴.

Когда мы прекратим рассматривать человеческую сексуальность только через призму объединения двух репродуктивных потенциалов²⁵, нам перестанет столь очевидно и неизбежно казаться, будто мужчины должны стремиться к успеху, пока женщины беспокоятся, как выглядеть моложе. Например, аргументация Тестостерона Рекса подразумевает, что именно женская физическая привлекательность тесно связана со столь важной фертильностью (проявляющейся в молодости, признаки которой напрямую соотносят с женской красотой). Но с репродуктивной точки зрения и у женщин есть хорошая причина рассматривать красоту и юность мужчин как притягательные качества. Некоторые эволюционные психологи предполагают, что женщины развили “краткосрочную половую стратегию”, в соответствии с которой они ищут случайных сексуальных встреч с мужчинами с хорошей генетикой, а привлекательные лицо и тело являются для мужчин наглядной рекламой их превосходных генов²⁶. Более того, как указала Хрди, “пожилые мужчины... хотя еще в силе, могут передать со спермой накопленный груз генетических мутаций”²⁷. Недавнее исследование показало, что в сперме пожилых мужчин “новые” (de novo) мутации (то есть те, которые возникают впервые в гаметам в противоположность наследственным мутациям) возникают чаще, чем в сперме молодых мужчин, и, соответственно, вносят большой вклад в генетические заболевания²⁸. По-видимому, чем моложе мужчина, тем лучше состояние его “хороших генов”. Но мужчины не носят неудобные туфли на платформе, чтобы казаться выше, редко отдают баснословные деньги за операции, чтобы их фигура больше напоминала перевернутый треугольник, а подбородок посильнее выдавался вперед, и не выстраиваются в очередь, чтобы парализовать себе лоб инъекциями ботокса. Это отсутствие мужского энтузиазма по части болезненных и дорогих физических преобразований указывает на возможность того, что на недостатки репродуктивного потенциала могут не обращать – и не обращают – внимания, когда дело доходит до сексуальной привлекательности.

Конечно, физическая привлекательность – значимый фактор в принятии решений о сексе и романтических отношениях, и то, что наш расцвет не приходится на 80 лет, – это вовсе не пустая социальная условность. Но, освободившись от гипотез устаревшей теории полового отбора, разумней спросить, всегда ли мужчин будет больше заботить физическая привлекательность, в то время как женщины будут больше фокусироваться на ресурсах.

Как указывает один ученый, данные по первому вопросу “собираются в общем и целом из городских людей среднего класса, как правило, с высшим образованием”, представляющих “культурную и экологическую среду, которая эволюционно более нова: они вовлечены в наемный труд, в местный, национальный и глобальный рынки, на них влияют СМИ, они живут в относительно больших популяциях”²⁹. Работы, которые исследовали предпочтения партнеров в небольших сообществах с экономикой, более сходной с нашим первобытным прошлым, – таких, как охотники-собиратели хадза из Танзании³⁰ и охотники-земледельцы шуар³¹ из Эквадора, – не нашли подтверждения, что мужчины и женщины различаются в том, насколько им важна физическая привлекательность партнера. В последующем исследовании, хотя контрольная выборка из студентов Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе показала “типичные” половые различия по части важности физической привлекательности, таких различий не обнаружилось среди народа шуар.

А что насчет солнечных очков “Булгари” в предположительно успешном человеческом спаривании – это мужские ресурсы? Как мы видели в главе i, ошибочно делать поверхностные суждения, будто ресурсы и статус женщины не важны для ее репродуктивного успеха. Они могут иметь критическую значимость у млекопитающих, включая приматов. Хрди утверждает (если чуть поправить ее слова, можно представить, что их говорит мать сыну в романе Джейн Остин):

Очевидно, для мужчин имеет эволюционный смысл выбирать женщин, основываясь не только на их плодовитости, но и исходя из вероятности выживания потомка. При учете межпоколенческих факторов мужчина также должен принимать во внимание статус женщины, узы родства и качество ее жилища³².

Определенно это так, и в кросс-культурных исследованиях достоверно обнаруживается, что женщин больше заботят материальные ресурсы потенциального партнера. Однако Дюпре указывает:

Учитывая, во-первых, что женщины в большинстве обществ имеют меньше ресурсов, и, во-вторых, что женщины часто предчувствуют зависимость от финансовых ресурсов их партнеров, это наблюдение не требует глубокого биологического объяснения³³.

Без сомнения, раннее материнство влечет за собой зависимость от других. Это изматывающий, отнимающий массу времени и сил труд. Но если вспомнить самок сверчков из главы i, которые применяли гибкую стратегию спаривания в зависимости от конкретных “экономических” обстоятельств³⁴, то чем больше равенство полов, тем меньше гендерный разрыв в оценке важности финансовых ресурсов партнера (как и в оценке важности других предпочтений, например целомудрия и приятной внешности)³⁵. Не стоит говорить, что условной страны, в которой мужчины и женщины наслаждаются экономическим равенством, в реальности пока не существует. Но даже за относительно короткий период между 1939 и 2008 годами предпочтения сменились, уйдя от традиционных ролей мужа-кормильца и жены – хранительницы очага, что замечают психологи Венди Вуд и Элис Игли³⁶. Для мужчин теперь важнее, есть ли у партнерши хорошие финансовые перспективы, образованна ли она, умна, в то же время кулинарным и домоводческим способностям уделяют меньше внимания. И интерес мужчин к этим “ресурсным ценностям” вовсе не политкорректность, о чем свидетельствуют изменения в брачном укладе в Соединенных Штатах. Прежде более богатые и более образованные женщины имели *меньше* шансов выйти замуж, теперь все

наоборот. Как замечают Вуд и Игли, это означает, что женщины теперь характеризуются “брачными шаблонами, сходными с мужскими”³⁷.

Вообще-то мы можем вскоре распрощаться с вдохновленной экономическими нуждами любовной историей, в которой женская Плодовитость встречает мужские Ресурсы, заводит дом и максимизирует репродуктивный успех. По крайней мере, в некоторых культурах гораздо важнее, чтобы партнеры были похожи на нас в этих качествах. Поведенческие экологи Питер Бастон и Стивен Имлен столкнули два взгляда: “притягивает потенциал” и “притягивает сходство”. Они попросили около тысячи американских студентов распределить по значимости предположительно эволюционно важные категории богатства и статуса, преданности семье (что вроде как должно быть важно женщинам), физической привлекательности и сексуальной верности (предположительно особенно ценимые в партнерше)³⁸. Потом студенты ранжировали себя по тем же самым качествам. С точки зрения “притяжения потенциала” люди с высокой “ценностью партнера” (то есть мужчины, которым важны физически привлекательные и целомудренные женщины, и женщины, которым важны богатые, статусные и преданные семье мужчины) будут ожидать от партнера более комплементарный репродуктивный “потенциал”. Но с точки зрения “притяжения сходства” люди будут желать, чтобы их партнер был более похож на них самих: женщина, которая считает себя физически привлекательной и богатой, будет желать похожего партнера; мужчина, который считает себя верным и ориентированным на семью, будет искать такую же женщину. Хотя, если бы исследователи рассматривали только данные, подтверждающие гипотезу “притяжения потенциала”, они бы подтвердили ее и сделали традиционный вывод. Гипотеза “притяжения сходства” выиграла легко в плане своей способности объяснять человеческие предпочтения. Например, восприятие мужчиной своего богатства и статуса более связано с важностью богатства и статуса, которых он ждет от потенциальной партнерши, чем с ее привлекательностью. Похожим образом, если женщина считала себя красивой, для нее красота партнера была важнее, чем его богатство и статус³⁹. Приведя данные разных исследований, по которым похожие люди образуют более крепкие браки, исследователи заключают: их “результаты свидетельствуют, что стоит сместить акцент со стандартного подхода, который фокусируется на индикаторах репродуктивных потенциалов, к пониманию, как подбор по сходным чертам вносит вклад в стабильность брака и, возможно, в репродуктивный успех”⁴⁰.

Следует отметить, что более позднее исследование не смогло подтвердить, что сходство притягивает в ситуации быстрых знакомств, несмотря на то, что это подтвердилось в письменном опросе – результат, который подчеркивает, насколько сомнительно просто спрашивать людей, что для них важно в партнере⁴¹. Однако возможно, что контекст быстрых знакомств может подталкивать людей фокусироваться на наиболее очевидных качествах партнера или партнерши. Анализ данных быстрых знакомств обнаружил, что и для мужчин, и для женщин физическая привлекательность и молодость доминируют в качестве предикторов потенциальной желательности партнера⁴². Но анализ действительных пар, проведенный на сайте интернет-знакомств в Китае, вновь обнаружил, что объяснение “притяжение сходства” лучше объясняет данные, чем “притяжение потенциала”. И хотя также существовали признаки, что “потенциалы” притягиваются, порой это случалось “неправильным” образом: например, были свидетельства, что, как и мужчины, “женщины использовали свой доход, чтобы заполучить более привлекательных мужчин”, и что “женщины с хорошим образованием хотели найти более молодого партнера, совсем как мужчины”⁴³.

Неустанный фокус на строго заданной “ценности спаривания” также контрастирует с результатами нескольких исследований о характеристиках, которые мужчины и женщины находят важными в партнере. Они показывают, что на протяжении последних 75 лет в раз-

ных странах наиболее важные качества в постоянном партнере для мужчин и женщин не имеют ничего общего с молодостью и фертильностью в обмен на ресурсы. Поскольку наиболее желательные качества не связаны с репродуктивной ценностью, комментаторам нет нужды предлагать то, что Дюпре описывает как “абсурдные эволюционные фантазии... в объяснении гомосексуальности”⁴⁴. Предпочитаемые характеристики не подразумевают, что ценность вашей жены – даже если она является любимой женщиной, матерью ваших детей и единственным человеком в мире, который понимает, что вы имеете в виду, когда говорите, что у кого-то “борода как у Мак-Фая» или «волосы такого же цвета, как у того человека в Хов, который застукал меня, когда я пинал его кошку»⁴⁵, – меньше, если ей 50, чем когда она была на 20 лет моложе. Эти качества нельзя купить, нельзя вколоть или высосать, как жир. И они также являются чертами, которые имеют мало общего с классом налогообложения, роскошными европейскими машинами или шикарным офисом. Скорее они соответствуют факторам, которые снижают шансы, что вы захотите бросить тарелку в голову вашего партнера. Это надежность, эмоциональная стабильность, симпатия и любовь⁴⁶.

Отсылка Дауни к “долгой и медленной сексуальной революции” – это попытка уловить фундаментальную черту человеческой сексуальности. Человеческая сексуальность освободилась от воспроизводства не внезапно, не с изобретением противозачаточных таблеток в прошлом столетии. Чем глубже понимание человеческой сексуальности, тем заметнее абсурдность “тенденции утверждать, будто «человеческая природа», если речь идет о сексе, – это то, что получается, если убрать все человеческие черты”. Чтобы понять человеческую сексуальность, нельзя просто “избавиться от всего, что является специфически человеческим: от языка, социальной сложности и самосознания”⁴⁷, не говоря уж о политике, экономической ситуации, социальных нормах и социальных идентичностях. Это неотъемлемая часть сексуальности каждого человека.

Социальный историк Гера Кук из Университета Отаго предлагает прекрасную иллюстрацию именно этой точки зрения в своем описании сексуальной революции⁴⁸. Кук замечает, что в Англии XVIII века женщины считались сексуально страстными. Но, опираясь на данные об экономических и социальных изменениях, паттернах фертильности, личных мнениях, сексуальные исследования и руководства, Кук прослеживает путь к сексуальному подавлению викторианской эпохи. Тогда женщины обладали меньшей экономической властью из-за перехода от домашнего производства к наемному труду, к тому же общество меньше давило на мужчин, чтобы те поддерживали детей, рожденных вне брака. И так, в отсутствие известных, надежных способов контроля рождаемости “женщины не могли себе позволить наслаждаться сексом. Этот риск делал удовольствие слишком дорогим”⁴⁹. Викторианские женщины стали сексуально сдержанными, чтобы контролировать фертильность, утверждает Кук: “...это отчаянное положение могло быть сдержано только введением культуры подавления сексуальности и эмоций. Сначала женщины подавляли себя по собственному желанию, а потом... стали воспитывать в этом духе последующие поколения”⁵⁰. Кук описывает траекторию сексуальности викторианских женщин от середины до конца XIX века через “усиление тревожности и снижение сексуального наслаждения”⁵¹. Только с повышением доступности надежной контрацепции в начале XX века стало наблюдаться все более расслабленное отношение и растущее признание существования и важности женского сексуального желания, которое расцвело с внедрением противозачаточных таблеток и сексуальной революцией. Впервые в истории женщины смогли присоединиться к мужчине в сексе без риска долгосрочных последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.